



Кирилл

КАЗАНЦЕВ



ВОРОВСКАЯ ЛЮБОВЬ

**ОТПУСК
СТРОГОГО РЕЖИМА**

Воровская любовь

Кирилл Казанцев

Отпуск строгого режима

«ЭКСМО»

2013

Казанцев К.

Отпуск строгого режима / К. Казанцев — «Эксмо»,
2013 — (Воровская любовь)

Воры-карманники Валет и Борода летят в Турцию. Они планируют от души повеселиться, позагорать, а заодно и подзаработать – «пощипать» расслабленных туристов. На курорте Валет знакомится с обворожительной бизнесвумен Элеонорой, и у них завязываются романтические отношения. Влюбленные наслаждаются отдыхом и строят планы на будущее, не подозревая, что счастьем скоро придет конец... В один прекрасный день Элеонора исчезает. Валет и Борода начинают поиски и очень скоро выясняют, что девушка была похищена турецкими работниками. А это значит, что искать ее нужно в одном из местных публичных домов...

Содержание

1	5
2	9
3	13
4	17
5	23
6	34
7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Кирилл Казанцев

Отпуск строгого режима

1

Осенний ветер гнал по тротуару золотые кленовые листья, закручивал их вихрем. Они сами по себе ворохами собирались по тихим уголкам. Машины плотным потоком ползли по главной магистрали областного центра.

Несмотря на осень, было еще тепло. Светило солнце. Его диск крошился, рассыпался зайчиками, отражаясь в зеркальных стеклах новенького сетевого гипермаркета, возведенного на месте подчистую снесенного недавно квартала. Под стеклянной стеной в дешевой закусочной с пластиковыми столиками и полотняными зонтиками среди прочих посетителей расположились и двое молодых людей. Если даже специально кто-то попытался бы выбрать контрастную пару, то лучшего варианта у него не получилось бы. Один – худощавый блондин с внимательным, деликатным, утонченным лицом. Глядя на его длинные чувствительные пальцы, можно было подумать, что он пианист. Его приятель, сосед по столику, являлся полной противоположностью. Грубые черты лица словно вырубил топором в колоде, густая кучерявая борода черной порослью скрывала подбородок и шею, а вот сам череп был аккуратно обрит наголо. Темные, как спелые оливы, глаза масленисто поблескивали.

На вид им можно было дать не больше шестидесяти лет на двоих. Блондин с тонкими пальцами меланхолично крутил монету. Делал он это так виртуозно, что, казалось, она сама прыгает у него по руке, при этом парень на монету даже не смотрел. На столике стояли два пластиковых стаканчика с остывшим кофе.

– Тебя, Борода, ностальгия на этом месте не мучает? – спросил блондин приятеля.

– Валет, а чего это она меня должна мучить? – с легким кавказским акцентом поинтересовался здоровяк с бритой наголо головой.

– Два года жизни ты тут провел, – парень с погонялом Валет указал на тротуарную плитку под ногами.

– А, ты об этом, – вздохнул Борода. – Снесли коммерсы ИТУ, где я чалился, закатали и промку, и жилку в бетон. Следа не оставили. Я, когда нашу зону только закрыли, но еще не снесли, лазил сюда через забор. И другие бывшие сидельцы лазили. Странно себя чувствовал: ходишь свободно там, где только строем можно было. Хочешь – на вышку залезай. Даже в бывшей столовой посидел. Вот тогда что-то в душе и шевельнулось. Не поверишь, слеза выкапталась. Ну а потом, когда стены в пыль разнесли и стройка началась, уже ничего не чувствовал, как сейчас. Оно и правильно, не место зоне в центре города. Лежишь на шконаре после отбоя, а из-за забора звуки вольной жизни доносятся. Понимаешь, что в сотне метрах от тебя телки длинноногие ходят, задницами крутят, сиськами трясут, пацаны пиво попивают. Пусть уж лучше тут гипермаркет стоит...

Борода, не привыкший помногу говорить, замолчал, от воспоминаний у него нервно подергивалось веко.

– Понятно, – отпил остывший кофе Валет, – больше за колючку ты не собираешься, и это хорошо. В нашем деле – как на войне. Плох тот солдат, который выжить не хочет, – он прищурился, присматриваясь к проходившей мимо них к стеклянному турникету гипермаркета девушке.

Одета она была экстравагантно: короткая юбочка-плиссе, из-под которой выглядывали упругие округлые ягодицы, длиннющие – до середины бедра – серебристые сапоги, вдобавок волосы у нее были выкрашены в зеленый цвет.

– Сколько баллов ей даешь, Борода? – спросил Валет.

Такая игра «в баллы» была у приятелей ежедневным развлечением. Баллы насчитывались проходим за что-нибудь уникальное. Хоть за шрам на лице, хоть за расстегнутую ширинку, хоть за золотой зуб. Максимум можно было поставить десять баллов.

– За сапоги – шесть, за зеленые волосы – девять, за юбочку – пять, – тут же подытожил Борода.

– Зимой она еще красные перчатки на пару размеров больше, чем надо, носит, – добавил Валет, продемонстрировав отличную зрительную память.

– Ты, что ли, всех в городе в лицо знаешь?

– Только самых выдающихся, – признался Валет. – Могу с тобой поспорить, что в сумочке у нее не больше двух тысяч рублей.

– Глаз у тебя почище рентгена, – усмехнулся Борода. – Так что спорить не стану, проиграю. Да и ставить на кон мне почти нечего. Последние гроши за кофе отдали, пара бумажек «на развод» осталась. Да и ты пустой.

– Лавешки – дело поправимое, – улыбкой на улыбку ответил Валет. – Вот еще один типчик появился. – Он указал взглядом на хамоватого вида мужчину, выбравшегося из новенького внедорожника.

– Типичный мудила, – поставил диагноз Борода.

– Причем бездуховный мудила, – уточнил Валет. – Наш клиент. Только бездуховные мудилы с такими борсетками ходят.

Мужчина с толстой шеей расстегнул борсетку из крокодиловой кожи с золочеными замочками, вытащил портмоне и сунул его в один из многочисленных карманов охотничьей жилетки, после чего надежно застегнул «молнию» и похлопал по нему пухлой ладонью. Машина коротко пискнула, повинувшись дистанционному брелку. А ее владелец бодро зашагал к гипермаркету.

– За все про все не дал бы ему и трех баллов, – сказал Валет, поднимаясь из-за стола. – Да и те за белые носки. – Пошли, наш клиент.

Борода крикнул и тоже поднялся. Теперь приятели держались так, словно не знают друг друга. «Стакан» стеклянного турникета на входе вращался медленно. Валет дал знак приятелю, чтобы не спешил приближаться к бездуховному мудиле: мол, если бы побольше людей набилось в отсек, можно было бы и рискнуть, а так они оказались в турникете только вдвоем. Мужчина вытащил носовой платок, промокнул им вспотевший багровый затылок.

У камер хранения он взял самую большую проволочную тележку и покатил ее перед собой. Катил нагло, почти не обращая внимания на других покупателей, лишь изредка бросал зазевавшимся: «Поберегись!»

Валет пока присматривался к нему:

– У него даже язык не повернется обратиться к кому-нибудь на «вы».

Мужчина тем временем затаривался, причем солидно. У стеллажа со спиртным он поставил в тележку бутылок десять. Брал, даже не глянув на ценники, вискарь, коньяк, мартини, пару бутылок дорогой водки. Позванивая стеклом, покатил тележку к мясному отделу, где принялся забрасывать недешевые колбасы, копчености. Пара пачек морепродуктов легла сверху, на них стал контейнер с суши... Минут через пятнадцать хаотичного блуждания по залу мудила наполнил тележку до краев.

– Больше чем на пятнадцать тысяч затарился, – прикинул на глаз Валет и подмигнул Бороде. – Надо его до кассы брать, а то потратит наши с тобой деньги.

Приятели переглянулись и разошлись в разные стороны. Если в торговом зале было свободно, то у немногочисленных открытых касс собрались очереди. Мудила стоял, держась за поручень своей тяжело нагруженной тележки, пыхтел и нетерпеливо подпихивал ее вперед, упираясь в зад впереди стоящей гражданке. Та нервно обернулась.

– Поосторожнее нельзя? – спросила она, выкладывая на транспортер кассы десяток яиц.
– Дальше клади. Из-за твоей мелочовки мне места нет, – тележка еще раз подтолкнула гражданку в зад.

– Хам, – сказала она.

– От дуры и слышу, – прозвучало в ответ вполне ожидаемое.

За мудилой в очередь пристроился Валет, в руке он демонстративно держал пачку мороженого и несколько мелких купюр. В этот же момент в соседней очереди появился Борода, он нервно поглядывал на приятеля через стойку с жевательными резинками, презервативами и прочей мелочью, о покупке которых посетители задумываются в последнюю очередь.

Мудила выкладывал на транспортер свои покупки. Валет посмотрел на камеру наблюдения, висевшую на потолке. Рядом с ней размещался и монитор, по которому безошибочно определялся «угол обстрела».

– Мужик, пропусти, у меня без сдачи. Спасибо, – не дожидаясь согласия, Валет стал протискиваться рядом с мудилой к кассе, плотно притираясь к нему.

– Какое спасибо? Я тебя не пропускаю! – оскалился мудила. – А ну, назад. Быстро в очередь стал. Я сказал.

– Так у меня ж без сдачи. Горячая телка на улице остывает, мороженого ждет. Тебе чего, жалко пропустить? – Валет хотел продемонстрировать пачку мороженого, которое он нес.

Мудила дернулся, пачка мороженого и купюры упали на пол.

– Ты это, поосторожнее, – Валет нагнулся, поднял то, что уронил. – Хрен с тобой, постою, – смирился наконец он.

За стойкой с жвачками и презервативами блеснули оливковые глаза – блеснули и исчезли. Девушка-кассир подносила бутылки, пакеты к сканеру. На мониторе кассы сменялись, плюсовались цены. Как и прикидывал до этого Валет, сумма оказалась пятизначной.

– Наличными будете платить или карточкой? – поинтересовалась кассир.

Мудила уже паковал свои приобретения в мешки с эмблемой гипермаркета и ставил в тележку.

– Пластиком башлять буду, – продолжил он прежнее занятие.

– Давайте, пока он копается, я расплачусь, – торопливо предложил Валет. – У меня без сдачи. Одно только мороженое. Спешу, девушка на улице заждалась.

– Я бы с радостью, но мне ваше мороженое через сканер пропустить надо. Иначе не получится – компьютерный учет.

– Жаль, – искренне признался Валет.

Мудила наконец закончил паковаться, вжикнул «молнией» на кармане жилетки, его широкая ладонь провалилась внутрь. На лице проявилось недоумение, маленькие свинные глазки забегали. Мужчина вытащил ладонь из пустого кармана, похлопал по нему, словно, не верил, что такое возможно.

– Неужели в машине ост... – растерянно проговорил он, а затем заверещал на весь гипермаркет: – Обокрали!

– Кто? – завертел головой Валет. – Да ну его к черту, ваше мороженое, этого мне еще не хватало, – он положил пачку на ленту и попытался пройти мимо кассы.

– Никого не выпускать! – загородил ему дорогу мудила.

Охрана гипермаркета среагировала оперативно. Один охранник заблокировал очередь с одной стороны, второй – с другой.

– Лопатник вытащили! – хлопал по карману мудила. – Еще перед кассой проверял. Был тогда!

– Да что же это такое творится?! Я спешу, – надрывалась дамочка за Валетом. – Почему вы меня не выпускаете? По какому праву?

– А вдруг это вы лопатник у него вытащили? – резонно заметил охранник.

– Разве я похожа на воровку?

– На лице у вас не написано.

Мудила побагровел, уставился на Валета и заявил:

– Это он вытащил, сука. Бля буду, он.

– Покажите, что у вас в карманах, – приблизился к парню охранник.

– У вас есть право обыскивать покупателей? – спокойно ответил Валет.

– Такого права у нас нет, – честно признался охранник. – Но не дать вам уйти до приезда полиции мы право имеем.

– Ну и пожалуйста. Будем ждать, когда менты приедут, – Валет демонстративно скрестил на груди руки. – Только за растаявшее мороженое я платить не буду.

– Раз не хочет карманы показывать, значит, сам и спер, – резюмировала дамочка сзади. – Вот его и держите, а меня отпустите. Я вам сама свои карманы покажу.

И она стала выворачивать карманы куртки, выкладывать на транспортер кошелек, связку ключей, скомканный носовой платок.

– Вот все, что у меня с собой есть! – гордо заявила она. – Я пошла? – дамочка уставилась на Валета. – Все из-за тебя, вор.

– Я бы ее на вашем месте не отпускал, – прищурился Валет. – Вдруг она лопатник под юбку сунула и в трусы спрятала. Пусть покажет.

Несмотря на драматичность ситуации, в очереди засмеялись, заулыбались и охранники. Дама смутилась.

– Но я же точно не брала, – неосмотрительно обронила она.

– С виду сразу и не поймешь, способна женщина взять или она принципиально не берет, – в тон ей заявил Валет.

– Вон уже и полиция подъехала, – оживился охранник, заметив подрулившую к самому входу в гипермаркет патрульную машину.

С входившими в магазин правоохранителями в «стакане» турникета разминулся Борода. Выходя на улицу, он бросил прощальный взгляд на своего приятеля и зашагал к остановке трамвая.

– Так, что тут у вас? Карманная кража? – осведомился капитан. – Вы пострадавший, а этот спер? – уверенно показал он на Валета. – Знакомое лицо.

– Содержимое карманов не хотел добровольно продемонстрировать, – подсказал охранник.

– Сейчас разберемся, – пообещал капитан. – Сержант!

Сержант буднично заломил Валету руку, уложил на пол. Обыскали по правилам, при понятиях. В карманах у него оказался лишь чистейший носовой платок и больше ничего.

– Пусто, – доложил сержант.

– Выбросить успел, сука, – не желал окончательно смириться с потерей лопатника мудила.

Люди расступились, на полу и на стеллажах украденного так и не нашлось.

– Да не брал я, гражданин начальник, – улыбался Валет. – Форменная оптическая иллюзия и массовая галлюцинация.

– Разберемся, – пообещал капитан. – В машину его веди, сержант.

Валет не стал сопротивляться. Сержант вел его, придерживая за локоть.

– А мне что теперь делать? – недоумевал мудила.

– Товар выгружайте, – подсказала кассирша.

– У меня гости сегодня.

– Ваши проблемы.

2

В опорняке, куда доставили Валета, было немногочленно. Сам задержанный, капитан, сержант и молодая особа с несколько испитым лицом. Девушка мыла затоптанный пол – любовно отработывала за административное нарушение. Капитан занимался бумагами, сержант откровенно скучал, сидя у выхода.

Формальности были выполнены, ничего у Валета не нашли. Не дал результатов и просмотр видеозаписи с камеры наблюдения в гипермаркете. Там было только видно, как карманник прижался к мудиле, когда пытался пробраться без очереди к кассе. Сержант с капитаном единодушно пришли к мнению, что Валет работает «на прополь», то есть, украв, тут же передает украденное напарнику, чтобы не спалиться при обыске. Но этого момента камера не зафиксировала. Однако Валета пока не отпускали, откровенно мариновали.

– Что, справляла физиологические надобности в общественном месте? – участливо поинтересовался у девушки с мокрой тряпкой Валет.

– А куда было идти? Сортиров-то в городе раз-два и обчелся. Да и те платные, – охотно поддержала разговор проштрафившаяся. – Ну, присела я в подворотне. Тут и подкрались. Знают где ловить. Пиво-то на каждом углу продают а поссать человеку и негде. Это они так специально делают.

– Ты бы, Катька, хоть в кусты отошла, – миролюбиво подсказал решение туалетной проблемы сержант. – А то сразу у входа заголилась и присела на виду. Мы же тоже живые люди. Думаешь, для патрульных специальные туалеты по городу ставят? Нам тоже отлить негде. Мучаемся.

– Вам, мужикам, в этом смысле легче, – парировала Катька и доверительно шепнула Валету: – Я им экспресс-интим предлагала, чтоб отпустили, – ни в какую, будто я заразная. Дали тряпку – мой пол. Так бы пять минут позора – и свободна, а теперь до вечера тут корячиться придется. А сегодня у Михалыча пенсия, налить обещал.

– У меня тоже на вечер красивые планы были, – сказал Валет.

– Нелюди.

– Ты там, пьянчужка сцикливая, не очень-то, – прикрикнул сержант. – Протокол-то мы с Петровичем еще не порвали. За оскорбление при исполнении знаешь сколько получить можно?

– Да мою я, мою ваш долбаный пол, – Катька плюхнула тряпку в ведро, грязная вода брызнула на юбку. – Обафлялась я тут из-за вас. Швабру и перчатки латексные купить не могут. У тебя жена тоже так полы моет, голыми руками?

Катька негромко выматерилась, решительно подняла подол юбки и засунула его за пояс. Согнувшись, она елозила по полу мокрой тряпкой и светила не слишком свежим бельем.

Капитан отодвинул от себя клавиатуру компьютера.

– Так, Валет, – прищурился он. – Раздевайся.

– Зачем?

– А может, ты в трусы лопатник засунул? – хохотнул капитан.

– Что, при ней раздеваться? – покосился на Катьку Валет.

– Думаешь, она до этого мужика голого не видела? – пожал плечами капитан.

Валет стал неторопливо расстегивать рубашку. Катька забыла о тряпке, стояла, склонив к плечу голову, пялилась:

– Хоть какое-то развлечение, – сказала она.

Карманник аккуратно сложил одежду на стул, выпрямился.

– Ничего такой, аккуратный, не то что наши забулдыги у пивнухи, – проговорила Катька.

– За мужской стриптиз в ночных клубах дамы, между прочим, немалые деньги платят, – заметил Валет.

– У нас тут не ночной клуб. – Капитан поднялся из-за стола, обошел карманника.
– Как видите, гражданин начальник, чист я. Даже гражданка уборщица этот факт подтверждает. Могу одеваться?

– Присел, – приказал капитан.

– Легко.

– Ягодицы руками раздвинул.

– И это можно.

Капитан несильно пнул ногой в спину сидящего на корточках карманника. Валет не сумел выставить руки, упал лицом на влажный после мытья пол. Не успел он подняться, как полицейский опрокинул на него ведро с грязной водой, после чего хрипло произнес:

– Извини, не хотел, просто оступился, вот и перевернулось, бывает. Свободен, можешь одеваться.

Валет поднялся, старался выглядеть достойно.

– Не здесь одеваться. На улицу пошел. Сержант!

Наверное, процедура была отработана частым повторением. Сержант схватил одежду Валета и выбросил за дверь опорняка.

Карманник выбежал во двор, схватил шмотки и юркнул за угол. Это место если и просматривалось, то лишь из окон девятиэтажки, стоявшей в отдалении. Он вытерся майкой, бросил ее в кусты и стал торопливо надевать брюки. Грязь, которой его облили, хоть он и обтерся, противно ощущалась телом.

– Скоты... сволочи... фашисты... – шептал Валет.

Из-за угла неторопливо вышел капитан с сигаретой в зубах, щелкнул зажигалкой, пыхнул дымом.

– И это благодарность за то, что тебя отпустили? – сказал и глубоко затянулся.

– Нет у тебя на меня ничего, и не будет, гражданин начальник, – зло ответил Валет.

– Достал ты меня, третий раз за месяц берем. И каждый раз пустой оказываешься. Статистику портишь. Даю тебе неделю времени, чтобы из города свалил. Потому как в следующий раз что-нибудь обязательно найдем, не лопатник, так наркотики.

– Подбросите? Так, может, вообще лучше сразу пристрелить, без суда и следствия? – Валет уже застегивал рубашку.

– Я сказал, что найдем. А слово свое я держу. Через неделю в городе увижу – не обижайся. Понял? Я предупредил.

Сказав это, капитан резким, выверенным движением ударил карманника под дых. Валет мгновенно сложился пополам, не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть.

– Ответа не слышу, – словно издали долетел до него голос капитана.

– Понял... – наконец-то воздух вырвался из гортани.

– Это я с тобой еще по-хорошему. – Сразу же после этих слов капитан врезал Валету в нос, хлынула кровь.

Валет услышал удаляющиеся шаги, затем лязгнула стальная дверь особняка. Из-за угла вышла Катька, она на ходу поправляла юбку.

– Ну, ты их и достал, – вздохнула она. – Капитан аж взбесился, даже меня выгнал. Оно и хорошо. Сильно бил? – Она уставилась на срывающуюся с носа Валета крупными каплями кровь.

– Всего два раза врезал. Я его понимаю.

– Он еще ничего, на меня руку ни разу не поднимал. А чего у тебя кликуха такая – Валет?

– Фамилия моя Валетко, вот все Валетом и называют.

– Купи пузырь, – беззастенчиво попросила Катька. – Знакомство отпраздновать надо.

– За что я тебе куплю? – Валет осторожно промокал нос платком. – Ты же сама видела, при мне ничего не было.

– Ну, ты же вроде как щипач, я поняла. Карманник.

– Может быть. И что из этого?

– А покажи, как ты работаешь.

– Тебя менты ко мне подослали?

Катку такое предположение смертельно обидело.

– Думаешь, я дрянь такая? Пропадающая? – Она вытащила нательный крестик на золотой цепочке. – Вот, ни разу его даже не закладывала.

– Извини, если обидел.

Девушка прищурилась:

– Покажешь, как работаешь?

Валет приобнял Катку, та заулыбалась:

– Нравлюсь?

Карманник поднес к ее лицу кулак, разжал пальцы:

– Твое?

Девушка уставилась на крестик и цепочку на ладони парня, инстинктивно схватилась за шею.

– Как ты это сделал? Я же ничего не почувствовала.

– Ловкость рук и никакого мошенничества, – рассмеялся Валет. – Держи и ни перед кем не хвастайся.

– Даже застежку не сломал, – Катя надела крестик, спрятала в вырез рубашки.

– Научи меня.

– Легкой жизни захотела? Легкой она не получится. Тренировки, тренировки и тренировки, как у пианиста. И пить придется бросить. Если руки дрожат, вмиг засыплешься. Так сумеешь?

Валет достал монету, бросил ее на тыльную сторону ладони, зашевелил пальцами. Монета словно ожила, стала двигаться, кувыркаться будто сама по себе.

– Не получится, – призналась Катка. – Умоешься, и пошли в магазин. Вытащишь кошелек. Или в трамвае проедемся.

– Ты за кого меня принимаешь? – вскинул брови. – Я что, у твоего Михалыча пенсию вытаскиваю или у старушки последние рубли заберу? Я только у богатых краду, а они в трамваях не ездят.

– Правда?

– Правда.

– А ты хороший. Ты не думай, я не конченная какая. Просто иногда в запой срываюсь. Тогда уже все к чертям летит. У меня и квартира своя есть, тут недалеко. Ты же грязный. Тебе помыться надо. Такого и в трамвай не пустят.

– Я уж к себе как-нибудь доберусь.

– У меня чисто. Не бойся, я к себе никого не вожу. Раньше с мамой жила. Она у меня парализованная была. А как померла, то я нашим пьянчужкам и не сказала. Забрала из больницы и тихо похоронила. Второй год уже одна живу, иногда подрабатываю на рынке. Пошли, не тушуйся.

Валет прикинул, что ему придется добираться через весь город к себе домой, а потом возвращаться, ведь вечерняя встреча была назначена в центре, прикинул и согласился. В любом случае, окажется квартира загаженным бомжатником, можно развернуться на пороге и уйти.

Каткина квартира, однушка в панельном доме, оказалась вполне чистой, хоть и убитой. Ремонт в ней следовало сделать еще лет десять назад.

– Проходи, – пригласила хозяйка. – Ванная там, а я тебе чистое полотенце принесу.

Она не обманула, полотенце и в самом деле оказалось чистым, хоть и застиранным. На полке в ванной даже отыскался шампунь, правда, шпингалет на двери отсутствовал, вместо

него виднелись два гнезда от шурупов. Валет разделся, стал под душ. Горячая вода обтекала тело. Карманник яростно растирал по себе мыло, ему казалось, что грязь все еще остается на теле. Наконец это мерзкое ощущение прошло. Он уже хотел выключить воду, как в ванную вошла Катька. Одежды на ней не было. Девушка смотрела на Валета, прямо в глаза. Она ступила в ванну, сняла с кронштейна душ. Вода потекла по ее незагорелому телу.

– Я сейчас помоюсь, и развлечемся немного. Мне за это ничего не надо. Просто ты хороший, я это чувствую. Хочу доставить тебе удовольствие. Отогреть душу женской лаской.

– Не надо, – Валет остановил ее.

Катька смахнула воду с век, проморгалась.

– Ты чего?.. – Она криво улыбнулась. – И почему я, дура, еще спрашиваю? Если у нормального парня на меня не поднимается, значит, плохи дела. Пора бросать пить.

Ее движения, до этого имитировавшие томность и женственность, сделались угловатыми, мальчишескими, она, упершись рукой в змеевик-полотенцесушитель, заглянула в зеркало, потрогала набухшие под глазами мешки:

– Вот и развлеклась. Всех нормальных мужиков уже нормальные бабы разобрали.

3

В офисной высотке, недавно воздвигнутой в городе, блестящей, построенной, как положено, из стекла и бетона, в окнах которой отражалось чистое небо российской глубинки, на последнем этаже располагался зал пресс-центра, человек на восемьсот. Амфитеатр, похожий на древнегреческий, заполнялся публикой под завязку только по очень важным поводам – когда проводили общее собрание представителей управленческого аппарата города или области, съезд политической партии или расширенный корпоратив одного из градообразующих предприятий с выступлениями раскрученных артистов.

Сегодня в пресс-центре не было аншлага, зал был заполнен хорошо если на треть, но публика была чрезвычайно привлекательная. Девушки от восемнадцати до возраста, когда еще обращение «девушка» звучит чаще, чем «женщина», собрались в этом престижном месте. Они пришли показать себя другим представительницам прекрасного пола, ошеломить их ярким, броским нарядом и даже заставить затаить дыхание от новомодного парфюма. Такой же был и макияж – цепляющий взгляд прохожего.

– Наташка, давай сюда. – Смазливая русоволосая девушка в красной мини-юбке указала мизинцем, сверкающим золотым ноготком, на предпоследний ряд, но увидев, что на последнем сидит широкоплечий мужик в кожаной куртке, перевела пальчик на ряд ниже.

– Анжелка, у меня в линзах не единица, ничего не увижу, – прошептала ее подруга, мелированная блондинка с каре.

– Что надо – увидишь, а что не увидишь – услышишь. Пошли.

Шпильки подружек глухо застучали по ступеням прохода.

Прибывшие в пресс-центр девушки расселись по двое-трое подальше от первого ряда.

Анжелка выбрала место и хлопнула рукой по креслу рядом:

– И в Турции всегда будем вместе.

– А если кому-то из нас придется самостоятельно, одной, эскортировать бизнесмена? – вздохнула Наташка.

– Надо будет посмотреть. Есть толстенькие, лысенькие и богатенькие, которые и двух красоток возьмут на работу. – Анжелка задумалась, окинув взглядом подругу. – Если попросят работать вдалеке друг от друга, то будем перезваниваться каждый день.

– Каждый день... Нет, надо чаще, чтобы не упускать друг друга из виду, – заранее беспокоилась Наташка.

– Конечно-конечно!

К пластмассовой – цвета «под сталь» – трибуне подошла девушка в кремовом приталенном платье с декольте, на плечи был накинут шоколадного цвета жакет. Элегантность ее делового стиля не могли не отметить собравшиеся.

– Ух ты, – выдохнула Анжелка.

– Что там? – прищурилась Наташка.

– Прикид у нее что надо! Себе такой же прикуплю. С первой получи.

– Фигуристая, – еще больше прищурилась Наташка, – и красивая.

– Да где уж красивая. Просто умеет себя преподнести.

– Мужикам такие нравятся.

– Не спорю: черты лица правильные, но теперь при желании и деньжатах такие можно себе оформить, – хмыкнула Анжелка.

– Естественная красота всегда привлекательнее, чем накачанные губы и набитые скулы, а если еще брови на макушке, то это полный кошмарик, – рассуждала Наташка.

– Да какая разница, накачанные губы или не накачанные, главное – естественно ими владеть... Муа... – Анжелка изобразила своим напыленным ротиком поцелуй.

Девушка, которая поднялась к трибуне, держала в руке ультратонкий ноутбук вишневого цвета, что гармонировало с ее темно-карими, почти вишневыми глазами. Она поставила мини-компьютер на трибуну, подключила к видео-проектору. На сцене раскрутилась черная туба, выпустив белый экран.

– Здравствуйте! – начала выступающая. – Прошу пересесть ближе. Так будет лучше видно.

Несколько расфуфыренных посетительниц пресс-центра спустились к третьему ряду. От некоторых нещадно разило лаком для волос – еще за минуту до начала мероприятия они нанесли последний штрих в своей умопомрачительной прическе.

– Пошли вниз, – Наташка встала и, не дождавшись согласия подруги, начала быстро спускаться, – я хочу это видеть.

Анжелке пришлось сделать то же самое.

У девушки за трибуной был мягкий вкрадчивый голос, который внушал доверие и снимал настороженность и скептицизм, витающие в зале перед началом презентации.

– Итак, разрешите представиться. Меня зовут Элеонора. Элеонора Владиславовна Мироневская. Я директор рекрутингового агентства «Турмалин», которое отбирает девушек для работы в солнечной, приветливой и очень интересной стране – Турции.

– А что это такое? – спросили из зала.

– Рекрутинговое агентство или турмалин? – вежливо переспросила Элеонора.

– И то и другое.

– Рекрутинговое агентство – это агентство по кадрам. Так сказать, ищем подходящие кадры для подходящей этим же кадрам работы за границей, – обаятельно улыбнулась Элеонора. – В данном случае набираем девушек для работы в Турции. А турмалин – это драгоценный камень, иногда он выглядит как кошачий глаз... В каждой девушке есть что-то от кошки, поэтому, думаю, название удачное.

Элеонора достала из сумочки документы, продемонстрировала государственную лицензию:

– Впрочем, я нанятый менеджер.

Загорелся экран, на нем засветилась большая надпись «Турмалин». Затем всплыла фраза: «Это ваша возможность увидеть экзотические страны и прилично заработать». Пошли кадры из рекламного видеофильма: вот русские девушки работают официантками, улыбаются, получают чаевые, от суммы которых в полном восторге; вот другие девушки занимаются в школах моделей, а затем работают в магазинах мехов и кожи, дефилируют на подиуме, демонстрируя туристам дорогую одежду; вот девушки изучают турецкий язык, а затем работают консультантами в бутиках или в эскорте похожих на благородных джентльменов предпринимателей.

– Сейчас в Турции мода на все русское, – бархатным голосом комментировала кадры Элеонора. – Состоятельным дамам наши девушки помогают выбрать одежду «а-ля рюс», да и мужчины совсем не прочь, чтобы наши русоволосые красавицы подсказали, какой костюм им к лицу, какой приобрести галстук, рубашку, туфли. Все это пользуется огромным спросом. Турция – это богатая, стремительно развивающаяся страна, которая, кстати, ведет переговоры о вступлении в Евросоюз. Ну, кроме того, в Турции бум рождаемости, поэтому для более скромных девушек есть и такие предложения.

На экране шли кадры, где русские девушки нянчатся с маленькими детьми в богатых семьях. Другие присматривают за одинокими стариками в роскошных особняках на берегу лазурного моря.

– Смотри, Анжелка, некоторые турки вообще выглядят как европейцы, даже глаза голубые.

– А я думала, что они все как наши эти... среднеазиаты. А они все в светлых костюмчиках. И дамы без всяких этих паранджей и чадры ходят, только платочком, как наши бабушки, волосы прикрывают.

Экран погас, Элеонора обратилась к залу:

– Теперь прошу тех, кто согласен, кто уже сделал выбор в пользу нашего агентства «Турмалин» и решил попробовать поработать в Турции, подойти ко мне и заполнить анкету. Прошу подходить по одной, я перепишу ваши данные. Вопросы в анкете элементарные.

– А можно вам задать вопрос? – в центре зала поднялась высокая блондинка.

– Конечно.

– Вот, например, у меня уже есть опыт работы на подиуме. Есть профессиональное портфолио, – блондинка качнула бедрами, поправила плавным жестом прическу. – Могу я вам его передать, у меня с собой на флешке? Будет ли это учитываться при предоставлении работы, или придется проходить переучку?

– «Проходить переучку»! – фыркнула Анжелка. – Вот коза. Я ее знаю, это Галка с нашего района. Галка-курица, а придумала себе имя Афелия. Вечно с собой таскает свои полуголые фотографии и видео.

– Конечно, можете мне дать свое портфолио, – приветливо улыбнулась Элеонора. – Вообще все, кто имеет фотографии на флешках, прошу мне дать их переписать или пошлите свое фото на электронный адрес нашего агентства «Турмалин», он есть в анкете. А вот где и сколько вам предложат подучиться или сразу возьмут на работу, это зависит от вашего профессионализма. С вами будут работать специалисты, которые, несомненно, оценят вас по достоинству. Я с удовольствием передам ваши материалы нашим турецким партнерам.

– Вот такой вопрос, – вытянула вверх руку Анжелка. – А если мне, например, не покатит работа? Всякое бывает... Что мне делать? Бросать все и самой добираться домой?

– Это будет прописано в контракте. Вы связываетесь с нами, получаете расчет и под нашим же контролем возвращаетесь на родину. Конечно, если вы сами сорвете контракт с турецким работодателем, то, скажу честно, придется выплатить неустойку, – спокойным голосом объясняла директор агентства. – Мы же с вами все взрослые люди и должны понимать, что нужно нести ответственность за свои слова, особенно за подписанные собственноручно.

По залу прокатился гул.

– Но все сделки можно застраховать, – поспешила успокоить девушек Элеонора. – И вы все получите медицинскую страховку.

– А если я выйду замуж за богатого турецкого дедушку, – выкрикнула круглолицая, розовощекая деваха с выбеленными волосами, – я должна ему потом отрабатывать контракт?

– Это смотря как и чем отрабатывать, – ответила ей острая на язык Анжелка.

Все засмеялись.

– А в Турции нормально выпить можно? – спросила девица лет двадцати восьми, на лице которой уже навечно запечатлелась тень прожитых лет. – Я в смысле – стресс снять, после рабочего дня.

– Стресс можно, конечно, снять, но в определенных местах – в барах, ресторанах. Это не строго мусульманская страна. Но вы же от наших туристов уже об этом знаете.

Зал снова зашумел.

– Ну, прошу по одной, – Элеонора умело сбила волну возмущения, что пошла по собравшейся публике. – Смелее. Агентство «Турмалин» – авторитетная фирма с большим стажем работы на рынке рекрутинговых услуг.

Первой поднялась рыжеволосая, высокая – ноги от шеи – знающая себе цену красотка и свободной походкой продефилировала по сцене. Девушки проходили к трибуне. За ними следили камеры наблюдения, которые были установлены в зале, и изображение идущей транслировалось на экран. Некоторые от этого сперва смущались, но, видя, что другие дефилируют

по сцене как заправские модели, отбрасывали свое стеснение и смело шли на разговор-собеседование с Элеонорой.

4

Вечер опустился на город. Фонари спорили с полной луной, выкатившейся над рекой. Ее диск казался огромным и кроваво-красным. Световая дорожка пролегла от одного берега к другому. От воды налетал прохладный ветер. Валет застегнул куртку до самого подбородка – все-таки под ней ничего не было.

Он сбежал по лестнице к набережной. В тихой речной заводи стояла старая баржа, декорированная под весельную галеру. Высокий полотняный тент играл на ветру, по его периметру переливались лампочки незатейливой иллюминации. Вывеска извещала, что это заведение называется «ПИВНОЙ БАРЬ». Именно так, с «ером», или, как говорят в народе – с «твердым знаком», на конце и было написано, хотя в старорежимной Российской империи вряд ли бы отыскался хоть один «барь», раньше в чести все как-то больше были «кабаки» и «трактиры» с «кофейнями» и «чайными».

Заведение было вполне демократичным по ценам, потому и народа набралось в нем немало. Валет огляделся. Борода сидел за столиком у самых поручней с наветренной стороны. Тут было холодно, и народ в основном тусовался у противоположного борта плавсредства.

– Заждался? – спросил Валет, усаживаясь напротив Бороды.

– Только одно пиво успел выпить, – кивнул Борода на пустой пластиковый бокал. – У тебя нормально обошлось? Хмурый ты какой-то.

– Главное, что обошлось, – махнул рукой Валет. – Ну что, гуляем?

– Какое там, – Борода положил на стол раскрытый лопатник мудиры и стал доставать из него содержимое. – Две кредитки. Может, на них и до хрена денег, но, думаю, он их сразу же заблокировал.

– Логично, – Валет взял карточки, сломал их пополам и бросил через поручни в реку.

Течение лениво подхватило обломки и потащило вдоль борта.

– Еще абсолютно бесполезные для нас квитанции и бумажки, – Борода высыпал из пригоршни в пепельницу смятые чеки.

Валет щелкнул зажигалкой, язычок пламени лизнул бумаги, разгорались они неохотно, когда до половины сгорели, Валет выбросил их за борт.

– И что мы имеем в сухом остатке? – поинтересовался он.

– Негусто, – Борода поставил на столбик монеты. – Итого железом имеем пятнадцать рублей пятьдесят копеек. Бумагой немного больше, – он выложил банкноты, придавил их, чтобы не сдуло ветром, солонкой. – Сто пятьдесят баксов и три тысячи пятьсот сорок гребаных рублей налом. Вот и все.

Валет глубоко вздохнул, безглаголиво взял пустой лопатник двумя пальцами и отправил его за борт.

– Кошелек, кстати, почти новый был, из натуральной кожи, – проводил его взглядом Борода.

– Кошельки, бумажки, кредитки нужно сразу же выбрасывать, чтобы не загреметь, – напомнил напарнику карманник. – Берем только лавешки.

– Разве это лавешки? Так, слезы одни.

– Я и не спорю, – и тут Валета прорвало, он зашептал, подавшись к напарнику: – И ради этого я сегодня корячился? Я, щипач-виртуоз, каких во всей стране единицы. Я мордой в грязный пол уткнувшись лежал! Потом ментам голым задом светил и кровью харкал! Но отмазался от них. А затем чуть пьянчужку не трахнул!

– Ты о чем?

– Ни о чем, так, развлекся сегодня немного. Еще мне менты неделю времени дали, чтобы из города с концами свалил, а то закроют, сказали. А, Борода, давай нажремся сегодня. Тошно мне.

– Нажраться бабок хватит, – согласился Борода. – Дело нужное, если, конечно, на дорогое пошло губу не раскатывать.

– Какое там дорогое?! – закатил глаза к небу Валет.

Борода сгонял к стойке, принес графин с водкой и тарелку с мясной нарезкой, пару кусков хлеба положил на салфетку. Разлили спиртное по пластиковым рюмкам, задумались. Получалось, что и выпить-то не за что.

– Давай за все хорошее, – предложил незатейливый универсальный тост Борода.

– А оно есть – хорошее в этой жизни?

– Раньше было, – сказал Борода.

Рюмки сошлись над столом. После первой мир вроде бы стал выглядеть чуть привлекательнее.

– Давай по второй, – предложил Борода.

– Не гони, – покачал головой Валет. – Ты вот выпил, и тебе вроде как веселее стало. Думаешь, что после второй еще лучше будет? Но выпьешь ее, а ничего не изменится. Тогда решишь, что после третьей похорошеет. А вот и облом случится – после третьей хуже становится. Надо поймать состояние приятного легкого кайфа и потом в нем плыть, как в плоскости, – насколько протрезвел, столько же и добавить. Так что не гони, покайфуй.

– Это же ты предложил нажраться, – удивился Борода. – По твоей методике в умат не ужрешься, до утра сквозь зубы водяру цедить придется, – сказал он и налил.

– Я вот чего думаю, – Валет и впрямь принялся цедить водку мелкими глотками. – Мы с тобой этот город исчерпали. Нас уже повсюду знают, примелькались. Так что менты, по большому счету, правы, сваливать отсюда надо.

– А если ампула сменить? – прищурился Борода.

– В каком смысле? Во взломщиков переквалифицироваться – медвежатников? Так ни у тебя, ни у меня таких талантов нет.

– Я уже все продумал, – оживился Борода. – Мы и дальше будем на пару работать. Ты на улице пакетик прозрачный обронишь, а в нем баксы лежат. Обронил и пошел. Какой-нибудь лох обязательно купится, нагнется, а тут я подхожу: мол, вместе нашли, надо пополам делить. Ну и идем в подворотню, чтобы не светиться...

– Долго думал? – зевнул Валет.

– С понедельника, – ответил Борода.

– Этой хохме, наверное, лет сто, если не больше. Да ее каждый мальчишка знает. Не прокатит.

– Тогда и не знаю, чего делать. Может, в Москву подадимся? Там народу много, не примелькаемся. И люди при бабках.

– В Москве всё бандюганы мертво держат. Только попробуешь влезть без их санкции – кончат.

– Тогда в Питер податься можно.

– Там менты – звери. Наши против них, как детский сад против застенков гестапо. Креатив нужен, а у нас его нет.

Борода тоскливо смотрел на речной пейзаж. Он привык во всем полагаться на своего напарника Валета, а потому и чувствовал себя сейчас не лучшим образом. Если уж Валет приуныл, то дело совсем дрянь.

От компании за шумной стойкой, откуда долетал громкий, но незлобный мат, отделился сильно пьяный мужик. В одной руке он держал чекушку, второй зажимал рот.

– Подвиньтесь-ка, мужики, – невнятно прохрипел он, протиснулся к поручням и тут же смачно блеванул за борт, закашлялся, отхаркнул, вытер рот рукавом и уселся за столик напротив Валета. По его глазам стало понятно, что он потерял ориентацию во времени и пространстве, а потому объяснять ему, что ошибся столиком, было бы бесполезно.

– ...ну, так я и говорю, что там одни басурмане семь раз нерусские, только и смотрят, как нашего русского человека нае... – продолжил он начатый за стойкой разговор, будучи уверенным, что обращается к прежним собеседникам.

– Где? – уточнил Валет.

– Где-где? В п... – повеселел пьяный. – В Турции, в смысле.

– А... – протянул карманник. – Оно и понятно, в Турции басурмане и должны жить, это их родина.

– Нет у них родины! – окрысился мужик и глотнул водку прямо из горлышка принесенной с собой чекушки. – Они же все там суки чернозадые.

– Базар фильтруй, – как мог мягко напомнил Борода. – Я, между прочим, тоже турок, только из наших, месхетинец.

– Да я же не про тебя, братан, – даже не понял своей оплошности пьяный. – Ты другое дело, ты же наш, русский. Ты хоть и басурманин, но по-человечески говорить умеешь, с пониманием. А они ж нас только на бабки разводят. Вот с ними разве посидишь так душевно, по душам поговоришь? Он же только одно слово знает – купи!

– Отдыхать в Турцию впервые ездил? – вяло спросил Валет.

– Да уж не на заработки, – засмеялся и тут же закашлялся мужик.

– На каком море отдыхал? – пока еще просто так, лишь бы не молчать, спросил Валет.

– На каком-каком? На Черном в Анталье.

– Вообще-то в Анталье Средиземное море. Но это так, для общего развития.

– Я там того моря, считай, и не видел. Даже не загорел, – мужик с готовностью рванул рубаху на груди и продемонстрировал незагорелое тело.

– Водобоязнь, что ли? – издевательски поинтересовался Валет. – Болезнь такая есть.

– Не бойсь, никакой заразы я не подцепил, – мужик приложился к горлышку, вытряс последние капли. – На хрена мне это море – лежать жариться. Там же в отеле «все включено». Но это только вроде как их слушаешь, так у них «все включено». Пей – залейся! А на самом деле они, суки черные, хитрые.

– Положим, не только турки хитрые, – вставил Валет. – У русских своя хитрость имеется.

– Только с десяти утра до десяти вечера наливают, а потом – сухой закон. Какое тогда это «все включено»? А если у меня душа продолжения просит? Только разогнал, а он – шабаш, больше не наливает. Потому и спешишь принять в течение дня. Утром продрал глаза – и к стойке: наливай! Он мне пятьдесят граммов нацедит в стаканчик и улыбается, издевается, мудака. Говорю ему, ты мне в пивной стакан налей, по-нормальному, чтобы махануть как положено. А он вроде не понимает. Я первый день заманался от столика в бар бегать, по пятьдесят их гребаных грамулек глотать. Потом фишку просек. На следующий день просто стал у стойки, он мне нацедил, я тут же, не отходя от кассы, маханул и снова рюмеч подсовываю – повторить. Через полчаса он какого-то их старшего мудилу позвал. По-своему – по-тарабарски базарят, специально, чтобы русский человек ни хрена не понял, ублюдки. Нет чтобы по-человечески говорить. Чего базарить-то, наливай! Так они ничего против меня и не придумали. К обеду я так набрался, что прямо у стойки и заснул. К вечеру оклемался. Все нормально, опять понеслось по кочкам. Не успел я разогнаться, как тут без десяти минут десять объявляют: мол, с этого момента один «дринк» в одни руки и больше ни капли до завтрашнего дня, а там очередь выстроилась. Это ж издевательство форменное, басурманское. Еле уговорил их мне два «дринка» налить, еле втолковал, что у меня две руки, значит, двойной «дринк» положен – по одной в каждую. В пиво водяры налил, чтоб с прицепом пошло, по шарам врезало. А уж после

десяти за бухло в том же баре платить приходилось. Только что на халяву пил, а тут тебе сразу за пузырь сорок баксов выложить приходится. Культуршок полный. А куда денешься, платишь.

– Много пропил? – спросил Валет.

– Считай, весь зеленый косарь, который с собой брал, на бухло ночное саданул. Ну, еще по мелочовке сынишке сувениров купил, орешки там, восточные сладости – «пархат-лукум» называются.

– Не «пархат», а «рахат», – машинально поправил Валет.

– Один хрен, есть нельзя.

– А жене чего купил?

– Я со своей бабой не живу, в разводе мы.

– Ездил там куда? На экскурсии, может? – предположил Валет.

– Братуха, какие экскурсии? Я там и в отеле мало чего запомнил – с утра вмажешь, похмелишься, поспишь, потом снова вмажешь. День-ночь, ночь-день, трансфер-самолет.

– Ясно, – неопределенно произнес Валет и добавил: – Культурная программа была насыщенной.

Мужик устался на свою опустевшую чекушку. Борода потянулся к графину, стал разливать. Пьяный оживился, поискал глазами, схватил с пола перекатывавшийся там под порывами ветра пустой использованный стаканчик, дунул в него и подставил. На недоуменный взгляд Валета пояснил:

– Так мы ж в него водяры нальем, форменная дезинфекция произойдет. Опущенные сюда не ходят, дорого.

– Смотри, – пожал плечами Борода.

– Что ты всем как тот турок наливаешь? – обиделся мужик. – Разливай уже все на троих. Я еще схожу, добавить принесу, бабки у меня есть.

Валет показал Бороде взглядом, что стоит выпить да и уйти, тут спокойно посидеть не дадут. Не этот, так какой-нибудь другой пьяный тип привяжется с разговорами по душам. Однако Борода почему-то ответил взглядом, что стоит остаться. Напарники за время совместного преступного бизнеса научились прекрасно понимать друг друга без слов.

Выпили, мужик полез в карман брюк, вытащил оттуда пухлый бумажник, раскрыл его, зашелестел купюрами.

– Это чтоб вы не думали, будто я на халяву подсел выпить, бабки у меня есть. Сейчас и схожу, на всех принесу.

– Зря с собой столько носишь, – прищурился Валет. – Менты заберут или потеряешь.

– Пусть только попробуют, – мужик, придерживаясь за край стола, тяжело поднялся, качнулся, задумчиво приоткрыл рот. – Нет, братаны, до стойки я уже не дойду, обоссусь, отлить надо.

Оставив открытый бумажник на столе, мужик двинулся к поручням, на ходу расстегивая брюки. Борода потянулся к оставленному без присмотра кошельку.

– Не надо, – беззвучно прошептал ему Валет.

– Все равно пропьет, – Борода нагло запустил руку внутрь, выгреб практически все деньги, но засунуть их себе в карман не успел – предательски зазвенели, раскатились выпавшиеся из отделения монеты.

Когда Борода поднял голову, то заметил с десятков прочно зафиксированных на себе взглядов. Суровые подвыпившие мужчины смотрели на него с нескрываемой злостью. У каждого из них в жизни случалось потерять деньги от рук карманника. И, хоть потери бывали невелики, потом годами с обидой вспоминалось, особенно в периоды безденежья, сколько бухла можно было бы купить на украденное.

И, самое главное, обманутые понимали, что вор именно таким образом и распорядился их кровно заработанными. И вот представлялся случай поквитаться, карманник-призрак наконец материализовался в реального персонажа, нагло тырившего и крупные, и мелочь.

– Ты смотри, – мрачно проговорил мужик с багровой физиономией, неторопливо отходя от стойки. – И мелочью не побрезговал, ворюга. Теперь пипец тебе будет, конкретный.

– У пьяного крал, – нашел отягчающие обстоятельства худощавый выпивоха и отставил недопитый стаканчик.

У Валета еще имелся шанс безболезненно уйти – испариться, сделать вид, что он не при делах. Но он был не из тех, кто бросает своих в трудной ситуации. Карманник лихорадочно прикидывал в уме, что такое можно сказать, чтобы остановить неминуемую расправу над Бородой. Но здравый рассудок подсказывал, что словами ситуацию уже не разрулить. Приходилось признаться самому себе, что день не задался с самого начала.

– Вы чего, мужики, подумали? – все-таки попытался он вербально воздействовать на разгоряченных спиртным народных мстителей. – Мы добавить скидывались. Вон и Петька подтвердит, – кивнул он на пританцовывающего у поручней пьяного мужика.

– Его Витькой зовут, Витька Копоть – кузовщиком на СТО работает, он с нами пришел. Не втирай, не на тех нарвался. Эй, Витька, они тебя обокрали!

Мужик обернулся, глянул на свой кошелек в руке Бороды, тот по неопытности даже не догадался его выбросить, когда только посыпались монеты.

– И точно! – Витька Копоть побледнел, он никак не мог справиться с замком брюк.

С десяток человек неторопливо двинулись от стойки к столику. У Валета неприятно похолодело внутри, от досады кривились губы. Борода, выполнявший роль его телохранителя при кражах, сам возомнил себя вором, вот теперь и приходится отдуваться. Хорошо еще, если кости не поломают.

– Мужики, вы с ними поосторожней, – напомнил оставшийся у стойки пенсионер-перестраховщик в старомодных очках. – Они, карманники, отточенные, как бритва, монеты с собой носят, сумки резать. Полоснет такой по глазам, чтобы вы его потом не опознали, – и дирик кук. Глаза берегите и яйца.

Конечно же, никаких отточенных монет с собой Валет не носил, это был позапрошлый век. Зачем людям вещи портить, если можно при помощи ловкости и так завладеть их кошельками. Но подозрительность пенсионера, высказанная в пожелании беречь глаза и яйца, упала на благодатную почву. Любой мужик дорожит и зрением, и мужской силой. Еще неизвестно, чем больше. Даже слепого женщина может называть полноценным мужчиной, а вот кастрата – никогда.

– Не подходить, полосну! – выкрикнул Валет, выбросив перед собой руку на уровне паха.

В пальцах ничего не было, но при определенной доле фантазии можно было заподозрить, что между ними зажата острая, как бритва, монета. Карманник уже прикинул, что можно рискнуть рвануть к выходу, путь к трапу никто пока не перекрывал. Шеренга качнулась назад.

– Ах ты гад! – крикнул здоровяк с багровым лицом.

Валет взглядом подсказал Бороде, что следует «рвать когти», пока не стало совсем поздно. Но тот дельной подсказки не понял, остался стоять, набычился.

– Подходи кто смелый. – Он принял боксерскую стойку.

Вот этого и не стоило делать. Посетители, до этого лишь вяло наблюдавшие за происходящим, стали подниматься со своих мест. Бармен за стойкой уже тыкал кнопки мобильного. Второй за день встречи с полицейским капитаном Валету не хотелось.

– Мужики, спокойно, расходимся миром, мы же люди, а не звери, – предложил он. – Мы что, за пару тысяч рублей друг друга резать-убивать станем? Вон сколько у вас олигархи каждый день воруют, всю страну растащили, так вы по домам да пивным сидите, на улицу не выходите свои права требовать. А тут взял человек, чтобы сотку добавить, так вы его убить

готовы. Эй, ты, – крикнул он бармену. – Лучше, чем полицию тревожить, налей каждому чего он захочет, я заплачу.

– Ты нас в политику не втягивай, умник, – посоветовал пенсионер в очках. – Себе мы сами нальем. А второй-то кавказец, понаехало их! Вали гнид поганных! Насилуют, убивают, воруют!

Предложение угостить всех за свой счет заставило немного задуматься суровых мужчин, к тому же Витька Копоть, кузовщик с СТО больше ни к кому претензий не высказывал, он просто сунул бумажник себе в карман, но вот пенсионер, а следом за ним и Борода все испортили.

– Это я понаехал?! – возмутился турок-месхетинец. – Да у меня такой же российский паспорт, как у тебя! – Он рванулся к соседнему столику, выхватил из-под него пустую бутылку и рассадил ее о поручни, брызнули осколки, в руке грозно засверкала «розочка». – Порешу на хрен!

В Бороду полетел стул. Он увернулся. Стул ударился о поручни баржи, разлетелся на части. Валет успел перевернуть под ноги бросившихся на них завсегдатаев два стола. Нетрезвые бойцы падали, топтали друг друга, раздались стоны и матерные проклятия. Выбравшиеся из кучи-малы поодиночке шли в атаку, но смельчаков тут же встречал Борода. «Розочкой» он действовал умело, но не кровожадно. Каждый занесенный над ним кулак тут же встречался с острыми стеклянными шипами. После чего пострадавшие скулили и прижимали окровавленные кулаки к животам. Больше бросаться в бой они не рисковали.

Борода вошел в раж, казалось, что он уже не боится быть избитым или даже погибнуть на поле боя. Но Валет понимал, что временное преимущество недолговечно. Противник понемногу звереет при виде крови и теряет ощущение реальности. Вот тогда могут и на части порвать. Карманник пару раз бросил тяжелые стулья, пытаясь выбить из гнезда стойку, поддерживающую тент над палубой. Если бы всех накрыло брезентом, то самые лучшие шансы выбраться из-под него первыми получили бы Валет с Бородой, так как находились у самого борта. Но конструкция оказалась сработанной на совесть, стойка не поддавалась, лишь вздрагивала.

Променад осветился сполохами полицейской мигалки, взвыла сирена. Дальше испытывать судьбу было бы глупо. Оставался только один шанс спасти свободу.

– Сваливаем! – крикнул Валет, хватая Бороду за рубашку.

– Куда?!

– За борт!

Карманник запрыгнул на поручни, несколько секунд балансировал, стоя на них, а затем, вытянув над головой руки, картинно ушел вниз и вонзился в реку практически без брызг.

– В морду захотел? На! – Борода саданул кулаком в чью-то оказавшуюся в опасной близости от него физиономию, вскочил на стол, пробежался по нему, хрустя недопитыми пластиковыми стаканчиками, высоко подпрыгнул и «бомбочкой» ушел в воду, подняв огромный, словно от взрыва глубинной бомбы, фонтан брызг.

Самые разгоряченные посетители еще не осознали, что те, из-за кого все и началось, уже покинули борт, а потому драка продолжалась. Прибывшим правоохранителям пришлось стрелять в воздух и применять перестрелочный газ. Когда наконец дерущиеся между собой прекратили побоище, а бармен сумел внятно рассказать о случившемся, то было уже поздно: сколько ни всматривались полицейские в темноту, разлитую над рекой, так никого там в ней и не разглядели.

5

Валет неторопливо плыл в маслянисто-черной воде на спине – широко раскинув руки, работал только ногами, над ним лениво ползли по небосводу звезды. Где-то рядом фыркал морским слонем Борода.

Жизнь казалась прекрасной и удивительной. Валет верил в свой фарт, в голове понемногу складывалась новая комбинация, представлявшаяся беспроегрешной. Много, конечно, предстояло додумать, но сама схема походила на работоспособную. Это был тот самый креатив, которого ему с напарником до поры до времени так не хватало. Валет даже напевать стал, негромко, вполголоса.

– Не нужен нам берег турецкий и та-та-та нам не нужна! – не мог он вспомнить слова старой советской песни, всплывшей из подсознания.

Слова не вспоминались, а вот мелодия лилась сама собой. В конце концов, слова в песне не так уж важны. Смысл в себе несут лишь одна-две строки. Все остальное – шифрование пустоты, и не больше того. Вот как в этой: «не нужен нам берег турецкий» – а все остальное уже можно и не слышать.

– Ты чего распелся? – подгреб к Валету Борода. – Радостно на душе? Вода-то и холодная, и грязная.

– А что, лучше было бы сейчас с ментами беседовать? – резонно спросил Валет. – Да, друг мой, жить хорошо, и жизнь хороша.

– Такого провала мы с тобой еще не знали. Но ведь выбрались, – горделиво заявил Борода, тоже переворачиваясь на спину.

– Меня идея посетила. Богатая идея, – признался Валет. – Конечно, я бы мог провернуть ее без тебя, однако дружба обязывает держаться вместе.

– Конечно. Вместе оно лучше, безопаснее.

– Вот и я о том же, без меня ты хрен сейчас на свободе гулял бы. Ведь это самая большая свобода – ночью в большом городе по реке в самом центре плавать.

– Ничего хорошего в этом не вижу. Так что за идея? – нетерпеливо расспрашивал Борода, ему не терпелось поверить в то, что впереди их ждут хорошие деньки и куча лавешек.

– Быстро только кошки родятся, – усмехнулся Валет, замолчал и запрокинул голову к небу.

Борода знал, в такие мгновения приятеля лучше не беспокоить – он думает, рождает в своем воровском уме гениальные схемы. Временами Валет раздражал Бороду своим нравственным кодексом. Например, мог напрочь отказаться от легкого «улова» лишь потому, что объект был «не таким».

Течение медленно сносило беглецов к автомобильному мосту. Четыре огромных ажурных стальных пролета нависали над широкой рекой. Наверху шуршали протекторами, гудели автомобили, двумя плотными потоками идущие навстречу друг другу с противоположных берегов.

Валет подгреб к исполинской центральной опоре моста, выбрался на скользкое, покрытое водорослями и тиной бетонное подножие, устало привалился спиной к стене, ощутив вибрацию многотонного груза, проносящегося по единственному в городе мосту. Борода вылез, стал на четвереньки и по-собачьи отряхнулся, только брызги в стороны полетели.

– Ты прям как животное, – неторопливо проговорил Валет. – Но в чем-то даже очень милое и верное. Иногда удивляешь своей глупостью и неуместной отвагой. Я не спрашиваю, есть ли у тебя закурить. А сигаретка-то пришлась бы к месту, как и чашка горячего кофе.

– Аристократ долбаный. Ты еще шампанского пожелай, – беззлобно ответил Борода, присаживаясь рядом. – Чего ты там удумал?

– Думаешь, я зря про берег турецкий вспомнил?

– Откуда мне знать? Иногда всякая хрень в голову сама собой заползает, не знаешь потом, как от нее избавиться.

– Берег турецкий – заманчиво звучит. Это советскому человеку дорога туда была заказана, а теперь проще, чем в Крым смотаться, и дешевле, кстати.

– Отдохнуть собрался? – расстроился Борода. – Так на это бабла у нас с тобой нет. Хотя идея хорошая – пару неделек на солнце погреться, задницу в море попарить, телок поснимать.

– Для кого отдых, а для кого и работа, – улыбнулся Валет. – Я, как только в пивной услышал рассказ мужика про «все включено», сразу понял – это золотая жила, настоящий Клондайк. Представь себе. Турецкий курорт, вокруг нас тысячи расслабившихся до неприличия соотечественников, среди них половина уже пьяных с самого утра. Каждый из них не меньше штуки баксов с собой привез. Грех карманы им не почистить. Деньги в отпуске мало кто считает, если не подчистую выгрести, могут даже не заметить пропажи. В полицию заявлять – это же надо заявление написать, язык знать. Да и время потратить нужно. А тут прикинешь, что один твой день пребывания в отеле, уже оплаченный, стоит не меньше сотни баксов, – какая тут полиция? Зачем время на разборки тратить? Осень сейчас, зима на носу, а мы с тобой будем у теплого моря и при бабле. Богатая идея, креативная?

Борода мечтательно молчал, Валет заглянул ему в глаза и понял, что происходит у приятеля в душе. Тот уже выпал из реальности, ему казалось, что он сидит не на грязной бетонной опоре моста, а в пляжном шезлонге с жестянкой холодного пива в руках и разглядывает проходящих по линии прибоа красоток в стрингах.

– Эй, Борода, – позвал Валет и помахал перед его лицом ладонью. – Очнись. Нас ждут великие дела.

– Вот это ты «в отверстие» придумал, – восхитился Борода. – Все сходится: и расслабившиеся лохи с бабками, и курорт с бухлом-жратвой, бабы длинноногие, бани турецкие. А главное, я же турецкий язык знаю, от мамы научился, она всегда со мной по-нашему говорила. Я уже слышу, как в наших руках «хрусты» шелестят. Поднимемся, Валет, баксы у нас из задниц торчать будут во всех направлениях.

– Особо не разгоняйся, брать надо с умом, чтобы не залететь. Вот, скажем, идешь ты по пляжу – у кого в первую очередь можно бабки вытащить? У того, кто еще не загорел, или у того, кто уже как головешка черный? Только сразу не отвечай, подумай хорошо. Нечего тут расслаживаться, – покосился карманник на сполохи полицейских мигалок у баржи, – идти надо.

Валет поднялся, уцепился за металлическую скобу, торчащую из опоры моста, и стал взбираться наверх, перехватывая скобы лестницы руками. Борода пыхтел сзади.

– Думаю, надо тащить в первую очередь у тех, кто еще не загорел, – наконец сделал умозаключение турок-мехетинец.

– Почему? – спросил Валет, перебираясь через поручни на узкий пешеходный тротуар моста.

Рядом со свистом проносились машины, было шумно, слов не разобрать.

– Они только приехали, все пропить-потратиться не успели, значит, при бабках! – крикнул ухо Валету шагавший рядом с ним Борода.

– С одной стороны, правильно. Но с другой – у человека времени до отъезда много, может и в полицию пойти! – крикнул Валет.

– Тогда тырим у загорелого лоха, которому завтра уезжать!

– Тоже неправильно. У него десять баксов на кармане осталось. Все уже пропил. Надо золотую середину искать. Понял?

– А как же!

Приятели шагали по мосту, высокий правый берег становился все ближе. Одежда быстро сохла на ходу. И тут за спиной полыхнула синим и красным мигалка, взвыла сирена. Воры тут

же оглянулась. Нетерпеливо сигналила, лавируя между машин, пробирався полицейский автомобиль. Из окошка по пояс высунулся полицейский с пистолетом в руке.

– Вон они! – надрывался он. – Стоять, бя! Стрелять буду!

Не стовариваясь, приятели рванули вперед. Но как же ты поспоришь в скорости с машиной? Поток шел быстро. Сполохи уже сверкали совсем рядом.

– Догоню – убью! – кричал полицейский.

Валет уже начал подумывать, а не спрыгнуть ли с моста в реку. Другого выхода он не видел, но его останавливала мысль, что берег совсем рядом, значит, глубина маленькая – разобьешься. В лучшем случае – насмерть, в худшем – на остаток жизни останешься инвалидом, прикованным к коляске. Но тут, на удивление, сообразил Борода – только с его отчаянной бесшабашностью можно было пойти на подобное безумство. Он выскочил на проезжую часть.

– Назад! Собыют! – закричал ему Валет.

Борода заметался среди машин. Завизжали тормоза, посыпалось разбитое стекло, послышался скрежет сминаемой жести и хруст раскалывающихся пластиковых бамперов. На эту какофонию вмиг наложились замысловатые матюги. На узком мосту образовался затор из столкнувшихся машин. Замер и патрульный автомобиль. Хотя ты с сиреной и с включенными мигалками, а толку-то? Будешь стоять как все.

– Молодец, Борода, – похвалил Валет уже на бегу.

Приятели мчались изо всех сил, понимая, что первые минуты решат их участь. Бросившиеся за ними в погоню вооруженные подручными средствами водители долго не протянут, добегут до конца моста и вернутся к брошенным машинам.

Особо выделялись среди преследователей двое – здоровяк метра под два ростом, с топом, который он почему-то сжимал в левой руке, и мордovorот с саперной лопаткой в правой. Они бежали, нетерпеливо клацая челюстями, изрыгая нечленораздельные проклятия. Один из них разбил взятую у приятеля под честное слово нулевую машину, второй на «жигулях»-«копейке» помял дверцы «Бентли». Следом за ними мчались еще с пяток пострадавших, среди них даже одна женщина. Последними из преследователей, как и положено, были полицейские – офицер с немаленьким «пивным» животом и прапорщик со свиной рожей.

– Стой, бя!

– Стрелять буду!

В очередной раз прозвучали пустые угрозы. Ведь всем участникам погони было понятно, что беглецы добровольно сдаваться не намерены, будут уходить до последнего. Чтобы их остановить, следует сперва догнать, потом повалить и надеть наручники.

Как и предвиделось, штатские преследователи-любители вышли из гонки, пробежав мост до конца. В спину им неслись сигналы застрявших над рекой машин. Двухметровый исполин уперся руками в колени и шумно задышал, его спутник с саперной лопаткой выматерился и зашагал назад. Лишь полицейские в силу служебного долга продолжили погоню.

Валет с Бородой мчались уже по центральным кварталам города. Особо дороги не выбирали, где был включен зеленый сигнал светофора, туда и бросались.

– Менты далеко? – с придыханием спросил Валет.

– Близо, суки! – ответил, обернувшись через плечо, Борода.

– Поднажми!

– А я чего делаю?!

Через три квартала стало ясно, что беглецам не оторваться. Силы были на исходе. Полицейские постоянно маячили за спинами. Они-то сил особо не берегли, надеялись, что подоспеет подкрепление. А тогда – конец всем надеждам самонадеянных поделщиков.

– В подворотню давай! – прохрипел Валет, заворачивая за угол старого дома, в стене которого виднелся узкий провал дореволюционной арки, рассчитанный на въезд конного экипажа, но никак не мусоровоза, потому контейнеры с мусором стояли прямо на улице.

Борода, проскочивший поворот, бросился назад, юркнул в темноту. Беглецы затаились в нише.

– Тише, – прошипел Валет, приложив палец к губам.

– Сам дышишь как загнанный конь.

– Знаю.

Полицейские, даже не заглянули в арку, пробежали мимо, лишь синхронно повернули головы в стороны темного провала.

– Пронесло, – выдохнул Борода.

– Будем надеяться.

Приятель подкрался к выходу, выглянули на улицу. Увиденное только огорчило их. С одной стороны по улице медленно ехала патрульная машина, с другой – приближались возвращающиеся полицейские.

– Назад, – скомандовал Валет.

– Куда назад?! – возмутился Борода. – Да из этого двора нет другого выхода. Тут ловушка.

– А я сказал, назад!

– Тут даже контейнеров мусорных нет, чтобы в них спрятаться.

Карманник тащил упирающегося напарника во двор. Выглядел тот мрачновато. Высокие стены с окнами сплошным колодцем уходили к небу, в котором поблескивали звезды. Три подъезда со стальными дверями были оснащены цифровыми замками. Вся территория тупо вымощена бетонной плиткой.

– Да тут даже курица не спрячется, – вконец расстроился Борода. – Нам конец. Они сейчас здесь нас и возьмут.

– Безвыходных ситуаций не бывает, – самонадеянно заявил Валет.

Он подошел к одной из дверей подъезда, набрал номер квартиры, послышался мерный электронный писк. В подворотне уже глухо звучали шаги ментов. Фары патрульной машины пронизали темноту.

– Спалимся, – запричитал Борода.

– Заткнись, – пристыдил его Валет.

– Алло... – раздался из домофона томный женский голос.

– Это я, Светочка, – нежно произнес Валет.

– Да тебя же полгода не было, – донеслось удивленное, но в то же время и несколько счастливое. – Урод, обманщик. Сказал, что за сигаретами вышел, но так и не вернулся. Ненавижу...

Борода зажимал рот руками, затравленно оглядывался.

– Светочка, я все осознал, понял, что мне нет жизни без тебя, ты мне каждую ночь снилась... – продолжал трудный диалог Валет.

– И не позвонил даже... ни одной весточки. Я не знала, живой ты или нет.

– Я тебя люблю... ты лучшее, что было в моей жизни. Я к тебе вернулся, не могу больше, умираю, – Валет чувственно вздохнул и замолчал, поняв, что это их с Бородой последний шанс.

– Заходи, но я ни одному твоему слову не верю.

Пискнул разблокированный замок. Валет и Борода вместе прощелились в подъезд старого дома, изо всех сил потянули в четыре руки стальную дверь на себя, чтобы побыстрее закрылась. Сделано это оказалось вовремя. Лишь только замок сработал, во дворе показались полицейские. Беглецы видели их сквозь маленькое зарешеченное оконце в двери. Правоохранители осматривались.

– Пошли, – прошептал Валет.

Подельники, пригнувшись, стали подниматься по лестнице.

– Что это за Светка такая? – спрашивал по дороге Борода.

– Мажорка одна. Папаша у нее главмент городской. У нас с ней сумасшедшая любовь случилась. Но мне такие страсти ни к чему. Однажды понял, что еще немного – и сдохну или с ума сойду. Ей или все, или ничего. Однажды утром я вышел от нее за сигаретами и не вернулся.

– Повезло нам, что она в этом дворе живет.

– Это еще как сказать. Постой в сторонке. Неизвестно, каким боком сейчас эта сумасшедшая любовь вылезет. Полгода не виделись. Но, кажется, не разлюбила.

Валет встал перед высокой дверью, вдавил кнопку звонка. Борода, как ему и советовали, пристроился в сторонке у простенка, сразу и не увидишь. Дверь открылась.

– Света... – выдохнул Валет.

Белокурая блондинка лет двадцати в белом махровом халате тут же повисла у него на шее.

– Мерзавец чертов. Я знала, что ты одумаешься, вернешься, – она принялась осыпать его поцелуями...

Валет тоже не отставал, но при этом спешил затолкать Светку в квартиру. Девушка наконец оторвалась от неверного любовника и уставилась на Бороду, тот тоже жаждал скорей окатиться в квартире.

– Опять чего-то натворил? – спросила Светка строго. – Это еще кто такой?

– Мой друг. У нас небольшая проблема.

– Так и знала! А я-то, дура, обрадовалась, поверила. Вон отсюда. Сам разбирайся со своими проблемами. Не хочу чувствовать себя конченной идиоткой, – Светка залепила Валету звонкую пощечину.

– Светочка, – Валет положил ей руку на плечо. – Одно с другим никак не связано. Просто совпало. Я без тебя больше не могу, честно. Хочешь, на колени стану?

– Не верю я тебе ни капельки!

Борода уже подмигивал Валету: мол, надо просто заткнуть Светке рот, затолкать в квартиру и закрыть дверь, а разбираться с остатками сумасшедшей любви уже тогда, когда менты свалят. Неизвестно, пошел бы карманник на такие крайние меры, ведь даже минимальное насилие над женщиной противоречило его жизненным принципам. Но тут сработал домофон в квартире.

– Не отвечай, – прошептал Валет.

– А вот и ответу! – Светлана вдавила кнопку голосовой связи: – Алло...

– Откройте дверь в подъезде, полиция, – донеслось из динамика.

– Сейчас, открываю, – чувствуя свою полную власть над Валетом, произнесла девушка.

Послышалось, как внизу щелкает электронный звонок, раздались голоса полицейских:

– Они вроде не вооружены, но ты, сержант, поосторожней.

Светка часто и глубоко дышала, задумалась на пару секунд, затем махнула рукой:

– Проходите. – После чего осторожно, так, чтобы не выдать себя звуком, закрыла дверь и провернула головку замка. – Чего тут стали, в ванную комнату прячьтесь.

Квартира мажорки впечатлила Бороду донельзя. Старый дом, высокие потолки, просторная прихожая, богатый ремонт, дорогая обстановка – он даже попытался снять кроссовки.

– Идиот, – зашипел на него Валет и потащил в ванную.

Санузел был размером с небольшую жилую комнату, в ванне плескалась вода, плавали розовые лепестки, воздух густо пах дорогой парфюмерией. Валет отвернул кран умывальника, зашумела вода.

– Кажется, повезло, – сказал он и прислушался.

В квартиру позвонили, щелкнул замок.

– Добрый вечер, – послышался голос полицейского. – К вам никто только что не заходил, не звонил?

– Нет, – отвечала Светка. – Я ванну принять хотела да и спать лечь. Что-то случилось?

– Мы двух человек разыскиваем. Похоже, что они в ваш подъезд зашли.

– Но ко мне никто не звонил. У нас наверху дверь на чердак, могли и туда пойти. Ой, у меня ванна сейчас перелиться может!

– Извините. И лучше сегодня никому незнакомому не открывайте, – посоветовал полицейский.

– Так и сделаю.

Валет с Бородой облегченно вздохнули, когда услышали, что дверь закрылась. Светка заглянула в ванную:

– Вы еще от страха не обделались?

– Спасибо тебе, – поблагодарил Валет. – Спасла.

– Сама не знаю, зачем я это делаю. А ну, брысь отсюда. Я мыться собиралась, когда вы приперлись.

Подельники спорить не стали, покинули ванную, перешли на кухню, свет не включали. Гудела вытяжка, в хрустальной пепельнице лежали два окурка, перепачканных нежно-розовой помадой.

– Закуривай, – предложил Валет.

Борода взял тонкую дамскую сигаретку из пачки, щелкнул зажигалкой.

– Ловко ты голову ей задурил, – признался он.

– Временами я себя ненавижу, – Валет тоже закурил, выглянул сквозь планки жалюзи во двор.

Там виднелась патрульная машина. Полицейский стоял возле нее, внимательно смотрел на двери подъездов. В одной руке держал рацию, вторая лежала на расстегнутой кобуре.

– Торчат, суки, – резюмировал Валет, наливая из кофейника в чашку остатки остывшего кофе вместе с гущей.

– Когда свалят, пойдем отсюда, – предложил Борода.

– Не отпустит, уж я-то ее знаю, – Валет прислушался к плеску воды в ванной комнате и сел на высокий, какие бывают в барах, никелированный табурет. – Если выпить хочешь, бар в большой комнате. Чего только в нем нет.

Борода сходил принес начатую бутылку черного рома и два толстостенных стеклянных стакана, разлил понемногу. Валет кивнул: мол, угадал с напитком, если и пить сейчас что, так только термоядерное по крепости.

– Менты уехали, – сказал он, беря стакан в руки.

– Вот за это и стоит выпить.

Стаканы сошлись над столом с глухим звоном. Борода сделал пару жадных глотков, блаженно прикрыл глаза:

– Хорошо пошло.

Светка зашла в кухню, у нее на голове было закручено тюрбаном полотенце. От Валета не укрылось, что девушка успела наложить на лицо косметику, словно не спать собиралась, а отправлялась в театр.

– Хозяйничаете уже, даже у меня не спросив? – спросила она.

– Стресс снимаем, хозяйка, – криво ухмыльнулся Борода. – Чего только нам сегодня не пришлось пережить, – вздохнул он.

– Дураки всегда найдут приключения, – Светка плеснула рома в кофейную чашку, пригубила.

– Это точно, – согласился Валет.

– Нам с тобой поговорить надо, – посмотрела на него Света. – Расставим точки над «i». Выясним отношения раз и навсегда.

– Борода, выйди, – попросил Валет и затянулся дамской сигареткой.

– Нет уж, пусть тут сидит, – Света зло вырвала у Валета сигарету из зубов, и не столько загасила, сколько изломала ее в пепельнице.

Борода остался один. Его приятель и Светка уединились в одной из комнат. Турок-месхетинец глотнул рома, прислушался. За плотно прикрытой дверью спальни слышался шелест голосов. Слов не разобрать, но интонации угадывались четко. Светка злилась, Валет пытался ей что-то доказать.

Борода выдвинул ящик со столовыми приборами, присвистнул:

– А ложки-то серебряные, старинные, вилки тоже.

Он взял на сушилке пластиковый контейнер для салатов и пристроил туда находку, сверху легли и тяжелые серебряные рюмки, инкрустированные золотом и камнями. Чтобы ничего не звенело, Борода переложил украденное смятой газетой.

Из спальни уже доносились истеричные выкрики Светки, слышалась пара звонких пощечин. Девушка сорвалась в надрывный плач.

– Да, страсти, – покрутил головой Борода. – Сумасшедшая любовь.

Светка выбежала из комнаты, вор только и успел что сунуть контейнер под стол и схватить стакан с ромом. Размазывая косметику и слезы по лицу, Светка всхлипнула:

– Урод, ненавижу! – и скрылась в ванной, зашумела вода.

– Эй, – негромко позвал Борода, а затем выглянул в коридор.

В двери спальни стоял Валет и тер исполосованное ногтями лицо.

– И часто с ней такое случается? – с сочувствием поинтересовался Борода.

– Каждый день, когда мы вместе, не вру.

Толком поговорить не удалось. Светка пулей вылетела из ванной, оттолкнула Бороду и хлопнула дверью спальни. Вновь пошел разговор на повышенных тонах, прерываемый всхлипами и надрывным бабским ревом.

Турок-месхетинец вернулся на кухню. Вскоре мелодика звуков из спальни стала иной. Всхлипы плавно стали терять агрессивность и, в конце концов, перешли в чувственные стоны. Борода понял, что какое-то время никто не станет выбегать в коридор, можно было осмотреться в шикарной квартире основательней. Он перебрался в большую комнату. В полумраке таинственно поблескивала на стене огромная плазма.

Борода до своей первой и единственной ходки на зону промышлял квартирными кражами, а потому прекрасно знал, где и что может лежать. К тому же Светка особо и не старалась спрятать ценности. Квартира стояла на надежной сигнализации, балкона не было, замки на входной двери навороченные, не каждому взломщику по зубам.

Прямо за стеклом книжного шкафа для всеобщего обозрения лежали пятьсот долларов, они тут же перекочевали в карман Бороды. Начатая пачка тысячных российских купюр отыскалась под стопкой чистого белья в шкафу. Еще пять тысяч «зеленых» нашлись между книгами.

Стоны в спальне все еще продолжались, чувствовалось, что они далеки от завершения, а потому поиски можно было спокойно вести и дальше, будучи уверенным, что никто не потревожит и не прервет преступного занятия.

Борода поставил на журнальный столик шкатулку, стал перебирать драгоценности. Серебром Борода уже брезговал, как и полудрагоценными камнями, брал только золото, платину и бриллианты. Камни проверял «дедовским» способом – царапал ими, прямо по стеклянной столешнице, под которой виднелись доска и деревянные гребни для анимации песком.

Глубокий и длинный стон облегчения перешел в чувственный крик – Светка вскрикнула еще несколько раз и затихла. Борода шмыгнул на кухню, затолкал украденное в контейнер с серебряной посудой и завернул все в пакет для мусора, сел за стол, принял скупающий вид.

В спальне еще ласково шептались, затем наступила тишина. Вскоре в коридор вышел Валет, выглядел он страшно уставшим, куртку нес в руках. Теперь исцарапанными оказались не только лицо и шея, но и спина – словно тигрица раздирала ее когтями.

Карманник-виртуоз добрался до высокого табурета, взгромоздился на него, положил руки на стол и склонил на них голову. Борода тактично молчал: захочет Валет – сам расскажет. Да и что рассказывать, все и так понятно, без слов. Сумасшедшая любовь!

– Понимаешь, Борода, – тихо проговорил щипач, – у меня эрогенная зона в мозгах находится.

– Такое бывает? – удивился поделщик.

– Нет, конечно, и в штанах тоже, все, как положено нормальному мужику. Но главный спусковой механизм – в мозгу. Мне нужно, чтобы с бабой и в постели было о чем поговорить.

– Зачем? – Последовало ожидаемое пожимание плечами.

– Так уж я устроен. А Светка по-другому. Пока на ногах стоит, у нее главная эрогенная зона здесь, – Валет показал на сердце. – Отсюда и все эти слезы, сопли, крики. Стоит ей придать горизонтальное положение, эрогенная зона у нее мгновенно перемещается, но не вверх, а вниз, и тогда она уже ни о чем, кроме одного, думать не может. Все, кровь от головы отлила. Мозг мертв, клиническая смерть наступает. Не баба, а зомби.

– Так это ж хорошо – страстная, – нашел свои плюсы Борода. – Мне такие нравятся.

– Хорошо? – передразнил Валет. – Она в постели не любовью занимается, даже не трахается, как швейная машинка, а просто дрожит об меня.

Борода спохватился, зашептал:

– Ты тише говори, может, подслушивает, еще обидится. Дверь даже в спальню не догадался закрыть.

– Не подслушивает.

– Бабы, они любопытные.

– Она после секса всегда спит как убитая. До утра дрыхнуть будет без задних ног. Можешь ей на ухо кричать, не проснется. Вот только прикасаться к ней не стоит, особенно в определенных местах, тогда уже не отвертишься, повторить придется. Потому и вышел, чтобы во сне случайно... – Валет не договорил, поднял голову, махнул рукой. – Ладно, Борода, не стоит женщину за глаза обсуждать. Нехорошо это. Неприлично. Светка сердечная, добрая, в помощи не отказывает, хоть и дочь главмента. Считай, я ничего тебе не говорил. У нас с тобой другие проблемы вырисовываются. Думаю, джентльменское соглашение с ментами про неделю срока, данного мне, чтобы мирно покинуть город, уже аннулировано в одностороннем порядке. Сваливать в Турцию надо, срочно. А бабок на это у нас нет. Вот настоящая проблема.

– Какая ж это проблема? – заулыбался Борода, глаза цвета спелой оливы масленисто заблестели. – Пока ты наше спасение отрабатывал, я уже все решил в лучшем виде. И лавешки есть, и рыжые. – Борода зашуршал пакетом для мусора, выставил на стол пластиковый контейнер. – На шикарный отдых здесь хватит. Только прежде надо в столицу мотануться, у меня барыга знакомый есть, за камни хорошую цену даст. Через Москву и полетим, – Борода картинно пролистал пачку денег, раскрыл ее веером, словно колоду карт.

Глаза у Валета округлились, он сжал кулаки:

– Ты что, Светку обокрасть решил? Она нас от ментов спасла, мне ей в любви признаться пришлось, спал я с ней без любви. И в благодарность – обокрасть?

– А что тут такого? – удивился Борода.

– Одинокую женщину обворовывать безнравственно. Быстро верни все на место.

– Не пори горячку, – даже обиделся Борода, он-то хотел сделать все как лучше. – Тоже мне, нашел одинокую женщину! Мажорка она похотливая. Не своим же трудом твоя Светка все это заработала. Папашка ее, мент продажный, бабки на сладкую жизнь подбрасывает. А где он их берет? Взятки, подношения за «крышу». От братвы брать не гнушается. Когда меня закрыли, мне адвокат прямым текстом сказал: дашь двадцать «зеленых» косарей – дело закроют. У меня такого лаве не было, вот и пошел зону топтать. Грех в нашем случае не взять. А еще вором себя называешь.

– У ее папаши украл бы с легкой душой, а у нее – нет, – сказал, как отрезал, Валет, глаза его горели нехорошим огнем.

– Хрен с тобой, – сдался Борода, выкладывая в ящик кухонной тумбочки серебряные ложки с вилками.

– И драгоценности верни, – напомнил карманник. – Только все на прежнее место клади, чтобы ничего не заметила.

– Дурак ты. Не заметит она, у меня память фотографическая.

Валет не пустил дело на самотек, пошел с Бородой в большую комнату, проследил, чтобы все драгоценности до последней сережки оказались в шкатулке.

– Так и лежали, точно помню. Сверху – кольцо с брюликами... – Борода вернул ларец на полку.

– И бабки на место положи.

– Не спеши, Валет. Нам в Турцию срочно сваливать надо. А у Светки эти бабки не последние, с голоду не помрет.

– На место положи, я сказал.

– Если ты такой совестливый, то давай эти деньги у нее просто одолжим. Напишешь Светке записку, так, мол, и так – невыкрутка образовалась. Когда поднимемся, мы ей лаве и перешлем. А, Валет? – Борода умоляюще заглядывал в глаза приятелю.

Однако тот оставался непреклонным:

– Все деньги на место положи, где лежали. Ясно?

– Так это ж не ты украл, а я, – сделал последнюю попытку Борода.

– Я тебя в этот дом привел, значит, я за тебя перед ней поручился, – поставил точку в споре Валет.

Борода тяжело вздохнул и стал распихивать деньги по прежним местам.

– Все вернул?

– Может, ты еще скажешь мне карманы вывернуть?

– Не сегодня, – смягчился Валет. – Снимай шмотки, постираемся после речного купания, от тебя тиной пахнет.

Крутилась стиральная машинка. Приятели, закрученные в набедренные повязки из широких банных полотенец, вернулись в комнату.

– Ты к Светке спать пойдешь? – спросил Борода.

– Садись на диван.

– Я-то вздремнуть собирался.

– Садись, садись. Работа только начинается.

– Телевизор смотреть будем? – покосился Борода на приятеля, когда тот взял в руки пульт от плазмы.

Валет, ничего больше не объясняя, щелкнул пультом, поставил на журнальный столик дистанционную клавиатуру и компьютерную мышку. На плазме высветилась заставка «Windows», компьютер запросил код, который Валет ввел не задумываясь.

– Ты тут как у себя дома.

– А ты хотел ее обокрасть. Светка мне даже свои коды доверила. Теперь «погуглим» немножко.

Валет ввел в поисковую строку «Турция, отдых». Затем искал в найденном городские турфирмы. На плазме загорелись строчки предложений.

– Выбирай, Борода, что-нибудь неброское, – предложил карманник.

Отдых в пятизвездочном отеле Валет отменил сразу же. Он завел на экран карту средиземноморского побережья Турции в одном окне, в другом листал форумы отдыхающих, газетные статьи. Получалось, что больше всего соотечественников отдыхает в Анталье и Алании, а

также между ними. Практически вся прибрежная полоса между этими городами была заставлена отелями на разный вкус и разные финансовые возможности.

– Анталья – город с полуторамиллионным населением, – рассуждал Валет. – В таком долго не примелькаешься. Особенно, если не жить в нем, а бывать наездами. У меня там один знакомый айтишник живет, я ему кредитные карточки иногда на взлом сбрасывал. Купил себе «ботаник» там квартиру, работает по заказам. Ему один хрен, где сидеть со своим компом, хоть на Марсе. Будет к кому зайти и за консультацией обратиться.

Борода был склонен все же выбрать хороший отель со множеством постояльцев. Однако Валету удалось переубедить его:

– В месте, где будем жить, никаких краж, только на выезде.

Таким образом, карманник, хоть вроде бы и советовался с Бородой, но только для проформы, в реальности выбор он сделал сам – небольшой семейный отель на полдороге между Анталей и Аланией в городе Сиде, который турфирмы рекламировали как жемчужину античной архитектуры. Исторические памятники интересовали поделщиков в последнюю очередь, но их наличие гарантировало большой оборот туристов, приезжающих на экскурсию на один день. Следовательно, практически никто из обокраденных не станет заявлять в полицию, чтобы не портить себе отдых.

– Решено, – подытожил Валет. – Едем в Сиде. Бронируем скромный двухместный номер, дату обратного вылета оставляем открытой. – Он заполнил графы предварительного заказа. – Чартерный рейс до Анталии через два дня. Итого с нас полторы штуки баксов с мелочью. Все, заказ сделан, – Валет щелкнул кнопкой «мышки», – бабки туроператору надо занести самое позднее послезавтра. Готово.

Экран на стене погас.

– Деньги, конечно, небольшие, – прикусил губу Борода. – Но у нас и их нет. За один день столько не поднимем. Давай все же у Светки одолжим.

– Тема со Светкой закрыта, – объявил Валет. – У меня есть хорошая идея. Бабки будут.

– И что же ты придумал, комбинатор?

– Можешь на меня положиться, сработает. Пока машинка еще сушит нашу одежду, тебе придется сбрить бороду. У меня внешность не слишком приметная, а вот твоя рожа аббрека ментам и гражданам примелькалась, тебя за километр узнать можно.

– Думаешь, надо сбрить? – засомневался Борода.

– Уверен, иначе засыплюсь.

– Да я всегда бороду носил.

– Даже в младенчестве? – усмехнулся карманник.

– Она у меня с четырнадцати лет растет.

– Отрастить снова много времени не понадобится.

– А где я бритву возьму? – искал уловки Борода, не желая расставаться со своим прежним образом.

Валет завел его в ванную комнату, открыл шкафчик. На полке в стакане стояло несколько использованных бритвенных станков гламурной – розовой и голубой – расцветки.

– Так это ж бабские, – безглаголиво поморщился Борода, разглядывая поднесенную к самому носу бритву, ногтями выдрал из зазора между лезвиями загнутый вопросительным знаком жесткий волосок. – Она ими одно место себе бреет.

– Думаю, что два, – меланхолично заметил Валет. – Но, как правильно ты заметил, это бабская бритва, а не мужская. Можно подумать, в эти места телкам ты никогда свой нос не совал.

– Случалось, – признал Борода. – В самом деле, мужским использованным станком бриться было бы стремно. Закончатся можно, как пацаны на зоне говорили.

– Ты свои зоновские замашки, пожалуйста, на родине оставь. За границей в моде политкорректность, даже в Турции, они не теряют надежды в Евросоюз вступить. На курорте ты должен выглядеть прилично и ничем не напоминать вора. Это первая заповедь карманника – внушать людям доверие своим видом. Ты же сам просил меня учить тебя премудростям занятий щипача?

– Просил.

– Вот и слушай мудрые советы.

Борода, тихо матерясь, кромсал маникюрными ножничками с загнутыми лезвиями жесткую, как медная проволока, бороду. Когда участок был расчищен, подходил черед станка. Мыльная пена с черными волосками падала хлопьями на дно ванны. Наконец после получаса мучений преображение было закончено. Из зеркала на Бороду смотрел помолодевший лет на десять парень, в котором он с трудом узнал самого себя. Стиральная машинка вздрогнула и пискнула – одежда была не только постирана, но и высушена.

Валет одевался, Борода прижигал покрасневшие щеки и шею ромом.

– Не жалко дорогое спиртное попусту переводить? – поинтересовался карманник.

– Ну не прижигаться же мне женскими духами, – резонно ответил Борода.

– Тебе погнало сменить теперь надо, – подколот Валет. – Хочешь, буду называть тебя теперь Лысый?

– Я бороду в Турции снова отращу, – пообещал Борода...

6

Когда Светка проснулась, то сразу же посмотрела на пустое место возле себя, тронула рукой простыни.

– Холодные, давно поднялся, – скорбно произнесла девушка, уже предчувствуя плохое.

На подушке лежала записка. Светка схватила ее, пробежала глазами:

«Света, обнимаю бережно, целую нежно. Ночь была великолепна и незабываема. Провел бы с тобой целую вечность... – прочитала она, – но жизнь жестокая штука. Менты щемят меня из города, попадусь – закроют надолго. Спасибо за все. Не плачь. Даст бог, увидимся еще. Я взял у тебя катушку скотча, маникюрные ножнички и кепку-бейсболку. Твой Валет».

– Какой скотч? Какие ножнички? Какая кепка? – От неожиданного сочетания взятых на память о ней вещей у Светки перехватило дыхание.

Она метнулась в большую комнату – деньги и драгоценности оказались на своих местах в целости и сохранности. От этого стало только гаже на душе.

– Лучше бы обокрал, подлец, – завывала Светлана. – Я же жить без тебя не могу.

Она почувствовала, что задыхается от подкативших к горлу слез. Распахнула окно. Мир расплывался у нее перед глазами. Девушка собралась с духом, раскрыла сервант, на полке стояла картонка с лекарствами. Дрожащими пальцами она вынула пластмассовый туб с сильным снотворным, высыпала таблетки горкой на стеклянную столешницу. Деревянным гребешком разровняла песок на доске для анимации и вывела на нем мизинцем:

«Только ты виноват в моей смерти».

Она смотрела на таблетки. И половины их хватило бы, чтобы умереть – заснуть и не проснуться больше никогда. Светке стало ужасно жаль себя, но жалость эта была садомазохистской, ей хотелось невыносимо страдать самой, но чтобы при этом страдали и другие. Она представила, как лежит в гробу, вся в белом, засыпанная цветами, вокруг плачут родственники, всхлипывает отец, скупые мужские слезы капаят на парадный полковничий полицейский мундир. И тут появляется он – Валет, с нереально большой охапкой роз. Цветы сыплются на гроб. Неверный любовник становится на колени и, обливаясь слезами, шепчет:

«Любимая, я уйду вместе с тобой...»

А она, Светка, такая вся красивая-красивая, лежит в гробу.

Девушка уже морально готова была глотнуть пригоршню снотворного, даже склонилась над столом. И тут сквозь слезы рассмотрела свое отражение в стеклянной столешнице.

– Да я же не накрашенная! – вырвалось у нее.

Видение с похоронами и цветами тут же рассыпалось, исчезло. Светка представила себя лежащей в гробу, безвкусно накрашенной какой-нибудь пошлой теткой из морга. Нет, такого она не могла себе позволить. Девушка сделала над собой усилие, остановила слезы, пошла в ванную. Там, стоя перед зеркалом, она старательно накладывала макияж по всем правилам, которые постигла, специально посещая школу визажисток в течение полугода.

Кисточка с тушью скользила возле глаз, поролон растирал тени и пудру. Наконец Светка выглядела достойной встретить смерть с разбитым сердцем. Гордо подняв голову, она вышла из ванной. Станный звук, доносившийся из комнаты, заставил ее остановиться. Там явно кто-то хозяйничал в ее отсутствие.

«Кто там?» – подумала она и боязливо заглянула в дверь.

Увиденное было не для неустойчивой психики. В воздухе летал сизый пух. На столе дрались из-за остатков раскрошенных таблеток два голубя. Еще три птицы, залетевшие в окно раньше и успевшие склевать большую часть снотворного, валялись на ковре безжизненными тушками.

– Кыш! Кыш! – закричала неудавшаяся самоубийца и замахала руками.

Голуби испуганно взмыли в воздух, метались по комнате, натыкались на стены, потолок. Летели перья и пух. Наконец одному из них повезло, по чистой случайности птица выпорхнула в окно. Вторая же с разгону ударилась о фрамугу. Зазвенело разбитое стекло. Изрезанный осколками голубь заделгался на полу.

– Мамочка... – прошептала Светка. – Мамочка... За что мне все это? – Она села на пол, обхватила колени руками и вволю разрыдалась...

...Валет с бритым Бородой бодро шагали по улице. Парочку было не узнать. Колоритный турок-месхетинец больше не походил на спустившегося с гор ваххабита, он напоминал спортсмена-борца, абсолютно лишённого шарма. Валет не стал проделывать со своей внешностью особых метаморфоз, ограничился натянутой на самые глаза бейсболкой с длинным козырьком. Теперь, чтобы заглянуть ему в глаза, пришлось бы низко нагнуться. А не увидев глаз, человека узнать сложно.

– И чего на тебя бабы так вешаются? – недоумевал Борода. – По большому счету, ты просто хлюпик. Даже до ста восьмидесяти сантиметров не дотягиваешь – а для мужчины это полный провал по жизни. Ну, смазливое у тебя лицо, должен это признать. Но ведь бабам другое надо.

– Такое, как у тебя? Грудь и спина волосатые?

– Многие такое любят. Бабы в мужике должны зверя видеть, и не домашнего, а дикого, вдобавок от него должно деньгами пахнуть.

Валет пожал плечами:

– Чем меньше от мужика пахнет, тем лучше. Бабы, как ты их называешь, они мечтать любят. Им больше принц нужен, чем волосатый самец. Вот я на принца похож, а ты нет. Тут целый комплекс – манера держаться, манера говорить, умение слушать, сопереживать. То, о чем я тебе говорил, – надо уметь внушать доверие людям. А баба, она прежде всего человек. Если сумеешь ей дать понять, что человека в ней видишь, а не только приспособление для секса – дроздику, она твоя. Ладно, на сегодня курс лекций по соблазнению дам закончен. Начиная операцию «бабки», прошу не путать с бабами, перенастрой мозг. Пустыми нам Турции не видать.

Подельники остановились неподалеку от главной в городе гостиницы. Стояли переговаривались, изображая из себя беспечных, случайно встретившихся знакомых. Неподалеку из стеклянной стены торчал банкомат. К нему Валет и Борода присматривались краем глаза.

Банкомат располагался так, что сразу же – издали – можно было определить человека, направляющегося к нему. Все остальные прохожие пользовались другой дорожкой.

– Телка снять бабки идет, – нервно подсказал Борода.

– Не дергайся. У нее на карточке немного. Может, вообще ей «налик» не нужен, счет на мобиле пополнить хочет. Она не наша клиентка, – отверг предложение Валет.

Девушка сунула карточку, пощелкала клавишами, так и не дождалась чека – бумага, как обычно, оказалась не заправлена – и застучала каблучками, удаляясь.

– Я же говорил, счет только пополнила. Хорошо, что не дернулись, – усмехнулся Валет. – Как начнешь, так потом и дальше пойдет.

Еще пришлось пропустить подвыпившего мужчину, снявшего две тысячи рублей. Алкаша в компании собутыльника, убедившегося, что его карточка пуста. Пенсионера, сильно нервничающего, чтобы никто не подсмотрел его пин-код. Наконец Валет оживился, он выцепил взглядом холеного мужчину в деловом костюме, выбирающегося из-за руля дорогой машины, с собой тот прихватил кожаный портфель и напрямик направился к банкомату.

– Рожа у него абсолютно бездуховная, а одет на штук пять баксов, не меньше. Не светись и солнцезащитные очки надень. Не забывай: на каждом банкомате камера установлена. Всех пользователей записывает.

Борода послушно надел огромные, на половину лица солнцезащитные очки. Валет двинулся к банкомату, опережая мужчину с портфелем. Тот, как и принято, близко не подходил, стоял в ожидании, крутил в руках кредитку. Карманник сделал вид, будто вставил карточку и стал вроде бы перебирать клавиши. На самом деле он, загородив собой банкомат, ловко размотал прозрачный скотч, залепил им щель для выдачи наличных, клацнул маникюрными ножничками, отрезая клейкую ленту.

Одним уверенным движением Валет разгладил скотч. Тот прилип идеально, только человек, налепивший его, мог разглядеть подвох. После этого карманник сделал вид, что забирает карточку, и зашагал прочь от банкомата.

Мужчина с кожаным портфелем сунул кредитку. Банкомат исправно заглотил ее. Пальцы прошлись по клавиатуре, набирая пин-код, выбирая операцию, сумму для выдачи.

Внутри у банкомата исправно зашелестели отсчитываемые купюры, щелкнуло. Если бы банкомат был прозрачным, то мужчина увидел бы, как стопочка его кровных поднимается, зажата между роликов, включается механизм подачи, но... крышечку на прорези выдачи не пускает скотч. Деньги тупо в нее уперлись, так и не показавшись наружу.

Мужчина несильно постучал по банкомату, заглянул на монитор, извещавший, что «операция успешно завершена». На выбор ему предлагалось «выбрать следующую операцию» или «завершить работу».

– Черт, что такое? – мужчина занервничал. – Сбой какой-то.

Банкомат участливо предупредил владельца кредитки выскочившей на экран надписью, извещавшей, что если в течение пятнадцати секунд он не решит, что ему делать из предложенного, то карточка так и останется внутри, забирать ее придется уже в банке. Мужчина сделал тот выбор, на который рассчитывал Валет. Он «завершил работу» и забрал карточку. Несколько секунд стоял в раздумье, решая, не попробовать ли снова. Однако боялся, что «заключивший» банкомат сможет передумать и теперь уже оставит карточку внутри. Понять, снялись деньги со счета или нет, сразу было невозможно. Чек-то так и не появился.

– Черт, сколько же у меня на счете оставалось? – задумался мужчина, но так точно и не вспомнил.

Он достал мобильник, сверяясь с надписью наверху, набрал номер банковского оператора.

– Вы связались... – раздался в трубке бездушный механический голос, – дождитесь короткого гудка...

– Именно, что связался с музилами, – зло пробурчал неудачник и сунул в зубы сигарету, щелкнул зажигалкой, задымил и отошел в сторонку.

К банкомату тут же направился Борода, стремительно сделал вид, что засунул карточку.

– Эй, извините, банкомат заглохнул, не работает, – предупредил его мужчина.

Борода руками развел: мол, кредитка уже внутри – рискну, попробую.

В трубке мобильного наконец прозвучал короткий гудок, отозвался банковский оператор. Мужчине стало не до Бороды, он принялся объяснять суть проблемы.

– ...нет, карточку банкомат вернул, а вот денег так и не выдал... может нае...? Как тут матом не станешь ругаться?.. Есть у меня смс-банкинг на мобиле. А толку? Я не помню точно, сколько у меня на счете было... Может, деньги в аппарате кончились и он мне со счета списал, на бабло кинул?.. Говорите, если деньги в нем кончатся, то он сам выдачу наличных отключает? Это обнадеживает... Так что могло случиться?.. Ладно, жду, когда ваши люди подъедут... Могли бы и побыстрей. Мне что, два часа на улице околачиваться?..

Пока мужчина общался с оператором банковского сервера, Борода, закрыв банкомат грудью, закашлялся, чтобы заглушить звук механизма выдачи денег, сорвал скотч с прорези, ловко, как карточный шулер колоду, затолкал стопочку купюр в рукав. Затем на вопросительный взгляд мужчины ответил:

– Точно, глючит, пойду в другой. В гастрономе на углу, кажется, еще один есть.

Мужчина с портфелем раздосадованно вздохнул, приготовившись ждать приезда специалистов.

Валет с Бородой встретились на автобусной остановке.

– Сколько взяли? – спросил карманник, он даже не допускал возможности, что первая попытка может оказаться «пустой».

– Двадцать тысяч. Как с куста, – радостно доложил Борода. – Схема работает.

– Отличное начало, – приободрился Валет. – Поехали дальше – собирать урожай.

– Зачем куда-то ехать? – удивился Борода. – На той стороне улицы еще один банкомат. Переделаем и его в «однорукого бандита». У нас это хорошо получается.

– Для настоящего вора осторожность превыше всего, – наставительно произнес Валет. – Во-первых, облюбованный тобой банкомат поставлен тем самым банком, с которым мы уже успешно поработали. Как думаешь, где быстрее всего кипеж поднимется – в этом банке или в другом?

– А ты прав, – согласился Борода. – Там за углом еще один есть.

– А теперь во-вторых. Район тоже менять надо. Согласен?

Подельники сели в первую подошедшую маршрутку. Провернули операцию в другом районе, в третьем. После пятой успешной акции Валет сказал:

– Теперь последний банкомат берем. Так что никуда ехать не стоит.

– Ты же сам учил – район тоже менять надо, – изумился Борода.

– Если нашими проделками уже заинтересовались менты, то посчитали, что мы действуем системно. Мы только в одном районе пока не засветились. Там нас и будут ждать. Мы же спутаем им карты.

7

Валет и Борода сидели на берегу реки. Вновь сияли на небе звезды, серебрилась вода. Автомобильный мост, расцвеченный рубиновыми габаритами и стопами проносившихся машин, монументально вписывался в пейзаж. «Пивная» баржа светилась разноцветными огоньками. Город шумел за спинами карманника и его не слишком талантливого ученика. А здесь, на поросшем травой и кустами речном откосе, было спокойно и уютно. Между горожанами и полицией существовала многолетняя негласная договоренность – выпивать в зарослях у реки можно, никто забирать за это не станет. Главное, не шуметь – матом не горланить, из травматике в воздух не палить, бутылки не бить.

Валету с Бородой шуметь было не с руки, а матом изредка можно ругнуться и шепотом, лишь бы ругательное слово легло в строку – пришлось к месту. Настроение было приподнятое, не сравнить со вчерашним. Прежние пораженческие нотки из разговора исчезли напрочь. Подельники полулежали, разделенные полотенцем, на котором стояла выпивка и закуска. Странно, но пить спиртное почти не хотелось, и без него хватало положительных эмоций. Просто «культурно отдыхали».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.